Б 502/15

Ts 50 2/15

3

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

СИБИРСКАГО КАЗАКА.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ СИБИРИ

1810—1848.

С. И. ЧЕРЕПАНОВА.

КАЗАНЬ.

Типо- и Литографія А. И. Линимайеръ, на 2 Казанской ул., д. Кремлева.

1879.

Б502/15

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

ВОСПОМИНАНІЙ С. И. ЧЕРЕПАНОВА

НАПЕЧАТАННЫЕ

ВЪ

„ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ РОССІИ“ 1876 г.

КАЗАНЬ.
Типо- и Литографія А. И. Линимайеръ, на 2-й Казанской ул., д. Кремлева.
1879.

Цензурою дозволено. 2 Іюня 1879 г. И. д. Казанскаго Отдѣльнаго Цензора С. Шпилевскій.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНЫХ
№ 18921
4 - VIII - 1930
БИБЛІОТЕКА

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СИБИРСКАГО КАЗАКА.

Народная мудрость говоритъ, что „не учась въ попы не встаютъ“. Тоже должно сказать и о литераторахъ. Въ силу этого закона, будучи вовсе неученымъ, я не придаю своимъ замѣткамъ того значенія, которое неоспоримо имѣютъ записки подготовленныхъ къ литературному труду лицъ. Я принялъ за правило вести разсказъ свой подобно простому разговору, говорить то, что взбредетъ на память, безъ всякаго плана, системы, направленія и т. п. премудростей, но говорить съ полною искренностію, безъ малѣйшаго искаженія фактовъ, — переходить отъ одного предмета къ другому съ тою же свободою, съ какою это дѣлается въ разговорѣ, и пользоваться каждымъ „кстати“ или „къ слову“. Если кому не нравится этотъ способъ моего разсказа, такъ можно не читать его, — вотъ и все.

Не имѣя никакихъ претензій, такъ какъ на это у меня вовсе нѣтъ ни побужденій, ни причинъ, — я нисколько не раздуваю моего труда, за который взялся только отъ старческой праздности, — почему надѣюсь на полное довѣріе къ своему разсказу.

I.

Предки. — Дѣдъ и отецъ. — Игуменъ Варлаамъ. — Дѣтство дома и въ Кяхтѣ. — Замѣчательныя лица: Е. Ѳ. Тимковскій. — Мухинъ. — Кожевниковъ. — Сперанскій. — Словцовъ.

Всѣ воспоминанія начинаются обыкновенно исчисленіемъ предковъ. О своихъ я знаю только, что они переселились изъ Россіи въ Сибирь, и одинъ изъ нихъ, добровольный переселенецъ, будучи горшечникомъ, прозванъ былъ *черепаномъ*, по областному названію производителей горшковъ. Всѣ наши однофамильцы, начиная съ нѣкогда кіевскаго губернатора, потомъ кажется сенатора, съ мало-извѣстнаго литератора, одну книгу котораго нашелъ я въ каталогѣ, съ

довольно громкаго шадринскаго купца и золотопромышленника и т. д. — всѣ они могутъ смѣло поставить во главѣ своего родословнаго дерева — горшешника... Такъ названіе „черепанъ“ и осталось нашей фамиліей, къ которому со временемъ приставилось окончаніе овъ. Предокъ съ материной стороны прибылъ въ Сибирь недобровольно: нѣсколько семействъ крѣпостнаго состоянія, принадлежащихъ какому-то полковнику, были имъ переселены въ Сибирь, въ нынѣшнюю Забайкальскую область, гдѣ и по настоящее время на р. Хилкѣ существуетъ „Полковничья деревня“.

Это были первые и послѣдніе крѣпостные люди въ Сибири, въ значеніи помѣщичьихъ крестьянъ.

Окруженные свободными людьми и вдохнувъ воздуха свободы, переселенцы эти, недолго думая, убили своего владѣльца, жившаго въ деревнѣ, — и дѣло свое обстановили какъ-то такъ ловко, что остались на мѣстѣ жительства свободными казенными крестьянами.

Кто былъ этотъ полковникъ, не знаю,—но что онъ былъ, доказываетъ названіе деревни и живое преданіе.

Дѣдъ мой по отцѣ, Адріанъ Петровичъ Черепановъ, съ прочими приграничными крестьянами былъ обращенъ въ казаки, дослужился до урядничьяго чина и довѣрія ему команды, назначенной для разведенія ревенныхъ плантацій въ верховьяхъ рѣки Чикоя. Ревень получался и теперь кажется получается изъ Бухары довольно дорого (тысяча р. пудъ),— такъ сдѣлали попытку развести свой. Долговременная попытка, обошедшаяся казнѣ довольно дорого, не удалась,— но дѣду моему удалось сколотить деньгу и основать въ деревнѣ, нынѣ село, Байхаръ значительную торговлю пушными товарами, гдѣ онъ и остался, получивъ отставку. Особенно много скопилось у него золотой и серебряной монеты, такъ-что слухъ объ этомъ дошелъ до смѣтливыхъ людей, и они распустили, ложное разумѣется, извѣстіе, что всякая звонкая монета скоро будетъ изъята изъ обращенія и у кого останется, такъ пропадетъ даромъ. Старикъ встревожился и закупилъ у тѣхъ же смѣтливыхъ людей по высокой цѣнѣ на золото и серебро сырыя кожи, которыя, будучи свезены въ г. Селенгинскъ, вмѣстѣ съ нимъ сгорѣли отъ пожара, истребившаго этотъ городъ.

Я долго сомнѣвался въ вѣрности этого семейнаго преданія, думалъ: какъ-такъ не понять, что золото и серебро никогда не потеряютъ цѣны? Но въ 1871 году, т. е. почти черезъ сто лѣтъ встрѣтилъ совершенно подобное невѣжество и при томъ не въ какомъ нибудь урядникѣ, а въ почти

полномъ генералѣ, и не въ глуши Сибири, а въ центрѣ самой Россіи.

Генералъ-лейтенантъ Ч. при мнѣ разсказывалъ слѣдующее:

„Во время польскаго возстанія 1861 г. Польша была раздѣлена на военные округа и я, бывъ начальникомъ одного изъ нихъ, жилъ въ деревнѣ. Вскорѣ узналъ я, что одинъ зажиточный мужичекъ обладаетъ большимъ количествомъ старыхъ серебряныхъ монетъ. Въ это время былъ полученъ указъ о выпускѣ новой серебряной монеты, конечно въ обмѣнъ на старую. Я призвалъ мужика и говорю ему:

— Смотри не прозѣвай промѣнять старую монету на новую, а то пропадетъ даромъ.

— Какая у насъ, ваше п-ство, монета, это только пустыя рѣчи.

— Ну, какъ знаешь, мое дѣло было предупредить тебя изъ желанія тебѣ же добра.

Мужикъ ушелъ, но черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ самъ и упалъ въ ноги.

— Что съ тобою?

— Говорили, отецъ, промѣнять старую монету на новую, я тогда скрылъ отъ васъ, что есть; а вотъ на дняхъ повезъ въ городъ, въ казначействѣ не приняли, сказали что время ушло. Помогите!

„Обѣщалъ мужику съѣздить въ городъ и попросить казначея обмѣнить, а ему посовѣтовалъ сунуть что-либо казначею.

— Да сколько у тебя монетъ-то? спрашиваю.

— Двадцать два мѣшечка.

„Я съѣздилъ въ городъ, попросилъ казначея принять и онъ обѣщалъ. Черезъ нѣсколько дней мужикъ пришелъ благодарить меня и сказалъ, что ему выдали вмѣсто монетъ бумажки (кредитные билеты).

— Сколько-же ты далъ казначею?

— Сторублевку.

Генералъ нисколько не подозрѣвалъ того, что смѣшалъ монету съ кредитными билетами, которые, при выпускѣ новыхъ, теряютъ значеніе, и былъ убѣжденъ, что оказалъ благодѣяніе мужику, тогда какъ послѣдній потерялъ по меньшей мѣрѣ 50% на сто, такъ какъ старинные рубли въ это время продавались по 1 р. 50 к.

Дѣда съ материной стороны, Афонасія Петровича Якимова, чуть помню. Онъ, будучи кяхтинскимъ купцомъ, совершилъ нѣсколько торговыхъ походовъ въ Китай съ караванами и имѣя въ Кударинской крѣпости двухъ-этажный

деревянный домъ, жилъ на широкую ногу. Это нужно было, чтобы пристроить своихъ шестерыхъ дочерей, — и онъ успѣлъ въ этомъ. Отъ этихъ щеголихъ своего времени осталась поговорка: „Афонасьевы дѣвки — шуръ, шуръ, шуръ!“ т. е. что платья ихъ изъ плотныхъ матерій производили этотъ звукъ. Старость провелъ онъ въ нуждѣ, поддерживаемый моей матерью.

Хотя прямой дѣдъ мой, какъ сказано, понесъ убытокъ, повѣривъ ложному слуху о монетѣ, за всѣмъ тѣмъ, по словамъ отца, онъ оставилъ ему сто тысячъ ассигнаціямя, пожертвовавъ сверхъ того на отечественную войну 10 т. и на постройку въ Кударѣ храма 5 т. Отецъ лѣтъ около сорока былъ на одномъ мѣстѣ кударинскаго пограничнаго дистаночнаго начальника[1]), получая содержанія по шести руб. ассигнац. въ годъ. Но онъ жилъ такъ, какъ бы получалъ 6 т. въ годъ, держа съ краю наслѣдство на угощеніе наплывавшихъ къ нему разныхъ путешественниковъ, особенно изъ Кяхты; тогда какъ при сосѣдствѣ этого торговаго города можно было порядочно понажиться. Намъ съ братомъ осталось по 2 т. ас.

Помяну отца немногими съ нимъ случаями. Въ дѣтствѣ, лѣтъ осьми, дѣдъ взялъ его въ Иркутскъ, куда ѣздилъ за товарами. На Байкалѣ повозка ихъ провалилась въ „щель“ (такъ называются продольныя трещины озера) и они въ 40° морозъ проскакали верстъ 30, сначала мокрые, а потомъ обледенѣвшіе, безъ всякаго вреда. Въ Иркутскѣ, проходя съ старикомъ по рынку, мальчикъ увидѣлъ гороховый кисель, привязался купить. Старикъ отговаривался, что это дрянь, но уступивъ настоянію сына, купилъ полное блюдо. Мальчикъ попробовалъ и говоритъ: — „больше не хочу.“ — „Нѣтъ, милый, коли куплено, такъ съѣшь“. И заставилъ съѣсть все. Отецъ до старости чувствовалъ отвращеніе къ гороховымъ блюдамъ. (Такъ торговцы пряниками отучая мальчиковъ-разнощиковъ отъ пряниковъ, даютъ имъ разъ наѣсться до отвалу, потомъ они не тронутъ ни одного пряника).

Этотъ-же дѣдъ населилъ Сибирь тараканами-прусаками, ихъ тамъ вовсе не было. (Черныхъ таракановъ до сихъ поръ нѣтъ). Бывъ первый разъ съ товарами въ Ирбити, онъ увидалъ этихъ насѣкомыхъ и, собравшись въ обратный путь, положилъ въ свою шкатулку пару таракановъ, завернутыхъ въ бумажку, чтобы показать домашнимъ. Путешествіе про-

[1]) Крѣпость Кудара, нынѣ станица, въ 45 в. отъ Кяхты къ востоку.

должалось болѣе мѣсяца и когда, по пріѣздѣ домой, старикъ открылъ шкатулку, изъ нея выползъ легіонъ таракановъ. Бывшія тутъ просфоры послужили имъ пищею въ дорогѣ. Воробьями, говорятъ, Сибирь населилась тоже при русскихъ: они слѣдовали за хлѣбомъ, ввозимымъ изъ Россіи въ Сибирь.

Когда посолъ въ Китаѣ, графъ Головкинъ, въ 1804 г. жилъ въ Кяхтѣ, въ ожиданіи разрѣшенія продолжать путешествіе (котораго не послѣдовало), отецъ мой былъ посланъ курьеромъ въ Иркутскъ, за 500 в., проскакалъ впередъ и обратно эту тысячу верстъ въ 36 часовъ, со включеніемъ времени, употребленнаго въ ожиданіи отвѣтной депеши (надобно сказать, что путь былъ зимній по льду; на станціяхъ въ то время курьерскія тройки постоянно были въ упряжкѣ). Когда онъ на другой день своего выѣзда изъ Кяхты подалъ графу депешу, то тотъ, не узнавъ конечно его, спросилъ: „Гдѣ встрѣтилъ вчера посланнаго курьера“[2])?

За тѣмъ отецъ мой прожилъ мирно въ Кударинской крѣпости почти всю свою жизнь и умеръ въ 1845 году, 65 лѣтъ.

Здѣсь я явился на свѣтъ Божій 10 апрѣля 1810 года.

Время у отца проходило въ служебныхъ занятіяхъ, хозяйственныхъ распоряженіяхъ, молитвѣ и бесѣдѣ съ многочисленными прихлѣбателями, изъ коихъ главнымъ былъ дьячекъ Ксенофонтъ Ивановичъ Третьяковъ. Братъ его, Алексѣй Ивановичъ, былъ правителемъ дѣлъ иркутскаго губернатора Трескина и сосланъ Сперанскимъ *изъ Сибири въ Россію*. Онъ остановился въ Екатеринбургѣ, гдѣ и умеръ. Когда онъ ѣхалъ въ эту оригинальную и едва ли не единственную ссылку, то придорожные жители, вовсе не подозрѣвая, что онъ ссылается, поздравляли его съ возвращеніемъ изъ ссылки.

Ксенофонтъ Третьяковъ былъ довольно развитъ. Не пошелъ онъ въ гору потому, что пережилъ трехъ женъ, а изъ духовнаго званія вырваться не могъ. Онъ любилъ вести серьезные разговоры и споры, и я, мальчикомъ, прислушивался и многое запомнилъ.

Вторымъ собесѣдникомъ отца былъ мой учитель — ссыльный Василій Ѳедотовичъ Надежинъ, служившій трапезникомъ церкви.

Приведу здѣсь его интересную біографію.

Помѣщичій крестьянинъ, Надежинъ, 20 лѣтъ, за слишкомъ большое усердіе къ церкви и уклоненіе изъ-за этого

---

[2]) Случай этотъ подробнѣе описанъ въ статьѣ моей, подъ заглавіемъ: «Локомотивъ и лошадь», напечатанной въ С.-ПБ. Вѣдомостяхъ 1858 г. № 215 и въ газетѣ «Золотое Руно» того же года №№ 23 и 24.

отъ работы былъ представленъ на судъ помѣщика. Рѣшеніе послѣдовало оригинальное: помѣщикъ велѣлъ женить Надежина, въ вѣрномъ конечно предположеніи, что семейная жизнь перемѣнитъ его направленіе. Тотчасъ разумѣется обвѣнчали и когда надобно было положить молодыхъ „въ подклѣть“ — молодаго не оказалось. Онъ бѣжалъ и, сказавшись „непомняшимъ родства“, былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Здѣсь онъ велъ самую строгую въ религіозномъ отношеніи жизнь, ѣлъ и пилъ только хлѣбъ и воду. Но и тутъ мірская суета стала ему противна; онъ исчезъ. Лѣтъ семь ничего не было извѣстно о Васильѣ Ѳедотовичѣ, какъ разнесся слухъ, что бабы, собиравшіе въ лѣсу грибы, набрели на пещеру, въ которой скрывался Надежинъ, какъ отшельникъ. Мѣсто это находилось въ 150 верстахъ отъ Кяхты, въ Чикойскихъ горахъ. Кяхтинскіе купцы тотчасъ воспользовались этимъ, чтобы выказать свою религіозность. Они испросили разрѣшеніе построить тутъ скитъ, начальникомъ котораго былъ поставленъ постриженный въ монахи Надежинъ, подъ именемъ Варлаама, и вскорѣ произведенный въ игумена. Скитъ населился; наплывъ богомольцевъ былъ громадный. Хлопотъ игумену было много, — и стало необходимымъ уже подкрѣплять свои силы извѣстнымъ элексиромъ и разнообразить столъ. Частыя поѣздки въ Кяхту, радушный пріемъ тамъ, совершенно измѣнили взглядъ семидесятилѣтняго, но еще бодраго старца на жизнь и онъ уже не удерживался отъ благъ ея.

Игуменъ Варлаамъ былъ средняго роста, крѣпкій старикъ, съ замѣчательнымъ горбомъ почти во всю спину. Онъ въ 1845 году умеръ дорогою пьяный. Скитъ окончательно упалъ и не думаю, что существуетъ еще, а впрочемъ достовѣрно не знаю.

Скитъ этотъ носилъ названіе Чикойскаго, отъ р. Чикоя, близь которой находился въ крутыхъ горахъ, составляющихъ отроги Яблоннаго или Становаго хребта. Домъ для монаховъ, такъ сказать, прилѣпленъ къ крутому скату горы и съ фасада имѣетъ три этажа, а съ задней стороны крыша его касается самой горы. Также прикрѣплена малепькая церковь. (Большого храма, въ послѣдствіи построеннаго, я уже не видѣлъ). Недалеко сохраняется пещерка, гдѣ отшельничалъ Надежинъ. На днѣ ея постоянный ледъ, и удивительно, какъ могъ человѣкъ прожить тутъ семь лѣтъ!

Въ домѣ нашемъ господствовало крайне религіозное направленіе. Стѣны были увѣшаны иконами. Передъ ними лампады; съ боку полуцилиндръ, какого я послѣ нигдѣ не

видалъ, для храненія восковыхъ свѣчей; какая-то, тоже своей формы, металлическая коробочка съ ладаномъ, курильница и особаго устройства щипцы для гашенія свѣчъ. Часто призывался священникъ для служенія молебновъ, мать заказывала ихъ десятками и разъ вошла въ такой энтузіазмъ, что на вопросъ священника: «еще кому?» отвѣтила «Александру Македонскому»...

Молебны продолжались до самаго обѣда, къ которому оставался священникъ, и съ нимъ же послѣ обѣда играли въ карты на мелокъ.

Зимами по вечерамъ заставляли меня читать вслухъ житія святыхъ, и очень многое, имѣющее общій интересъ, осталось въ моей памяти....

До осьми лѣтъ жилъ я дома; а тутъ отвезли меня въ Кяхту въ уѣздное училище и отдали на квартиру къ учителямъ Николаю и Александру Степановичамъ Устюжаниновымъ. Оба холостые, они жили въ мѣстѣ съ братомъ, священникомъ вдовцомъ Алексѣемъ въ большомъ домѣ, доставшемся имъ отъ отца, знаменитаго въ свое время протоіерея Стефана. Ихъ квартиру можно было назвать притономъ страшнаго разврата, и я, какъ свидѣтель нравовъ того времени, т. е. почти за 70 л., долженъ сказать, что въ послѣдствіи, особенно въ послѣднее время, нигдѣ ничего подобнаго не видѣлъ...

Ученье шло весьма плохо, тѣмъ болѣе что учителя были картежники и цѣлыя ночи убивали въ довольно большую игру. То, что вижу теперь было и тогда, съ тою разницею, что пороки скрывались и ими не хвастали, какъ нынѣ...

Если я не погибъ въ этомъ омутѣ, то обязанъ этимъ глубокому религіозному направленію, данному мнѣ матерью, и работѣ, которую задалъ мнѣ отецъ.

Онъ непремѣнно требовалъ, чтобы я писалъ ему письма съ каждой оказіей; — а оказіи были ежедневныя — и что бы писалъ дѣльныя письма: отчетъ о своемъ ученьи, новости какія узнаю и т. п. Онъ возвращалъ мнѣ письма съ замѣтками одобренія или осужденія.

Вотъ гдѣ положено было основаніе навыку писать. Отецъ конечно не предвидѣлъ, куда это меня завлечетъ.

Лѣтъ пять учился я въ училищѣ и научился только писать, благодаря помянутому выше требованію отца. Этого было достаточно для поступленія на службу — и я былъ принятъ въ троицкосавское пограничное правленіе подканцеляристомъ въ 1823 году.

Немного раньше, именно въ 1821 году, долго гостилъ у отца Егоръ Ѳедоровичъ Тимковскій, путешествовавшій въ

Китай для сопровожденія миссіи и издавшій свое путешествіе. Онъ убѣждалъ отца отправить меня съ нимъ въ Петербургъ для помѣщенія въ какое либо высшее учебное заведеніе, обѣщая похлопотать о принятіи, но отецъ не согласился. Егору Ѳедоровичу было тогда лѣтъ 30; небольшой ростъ, большія баки и безпрестанное веденіе веселаго разговора, живы въ моей памяти... Я заслушивался его, постоянно помнилъ и въ 1875 г. прочелъ въ газетахъ о его смерти. Онъ, полагать надобно, прожилъ лѣтъ 90.

Помню другую замѣчательную личность. Надворный совѣтникъ Мухинъ въ глубокой старости прибылъ въ наше правленіе совѣтникомъ. Онъ разсказалъ, что именно его выписалъ къ себѣ Потемкинъ, какъ знающаго всѣ святцы наизусть. Правда это или нѣтъ, только такъ какъ Мухинъ пилъ запоемъ, то насъ посылали къ нему дежурить и онъ какъ только просыпался, то заставлялъ спрашивать себя — въ какой день какого святаго и отвѣты повѣрять по святцамъ. Отвѣчалъ онъ безъ запинки на всѣ вопросы, случалось — проходилъ всѣ святцы и за успѣхъ требовалъ водки, выпивалъ и засыпалъ. Онъ похороненъ въ Кяхтѣ.

Питье запоемъ было весьма частымъ явленіемъ того времени; послѣ оно стало рѣдѣть и наконецъ вовсе перестало встрѣчаться, хотя употребленіе вина распространилось еще болѣе; но у потребителей его не стало времени, какъ въ старину, посвящать его исключительно пьянству. Я былъ свидѣтелемъ страшныхъ мученій запойца, весьма мнѣ близкаго, и можетъ быть этому обязанъ тѣмъ, что никогда не бывалъ пьянымъ.

Секретарь нашего правленія, Петръ Степановичъ Кожевниковъ, выслужившійся изъ простыхъ казаковъ, показалъ свое усердіе къ службѣ такимъ образомъ. Громадный архивъ правленія былъ разобранъ и назначенъ къ уничтоженію, о чемъ пошло представленіе въ Петербургъ; но до полученія разрѣшенія случился пожаръ, истребившій почти весь городъ Троицкосавскъ (предмѣстіе Кяхты), въ томъ числѣ и правленіе. Секретарь спасъ всѣ дѣла, вынося ихъ на своихъ плечахъ, тогда какъ въ это время горѣлъ его домъ со всѣмъ имуществомъ... Черезъ недѣлю пришло разрѣшеніе уничтожить дѣла.

О личности этой занесу замѣчательную физіологическую черту: онъ употреблялъ пищу непремѣнно испортившуюся, прокислую, такъ ему нарочно и гноили пироги и т. п. Однако же это не помѣшало ему прожить до 90 лѣтъ, не смотря на то, что въ молодости былъ горчайшій пьяница,

а съ средняго возраста вовсе не употреблялъ вина; высиживалъ въ управленіи онъ не вставая съ мѣста отъ 9 часовъ утра до 4 по полудни и служилъ секретаремъ лѣтъ сорокъ.

Въ заключеніе главы о своемъ дѣтствѣ, вспомню о видѣнныхъ мною въ этотъ періодъ жизни замѣчательныхъ людяхъ.

Товарищемъ моимъ по училищу былъ Артемій Крюковъ (о немъ буду говорить послѣ); онъ водилъ меня къ какому-то пріѣзжему Чулкову, который былъ крайній атеистъ или, по тогдашнему — волтеріанецъ. Онъ, которымъ Крюковъ восхищался, произвелъ на меня гадкое впечатлѣніе, такъ что я больше къ нему не ходилъ: такъ хорошо были посѣяны во мнѣ религіозныя сѣмена. Имя Чулкова впослѣдствіи встрѣчалъ я въ литературѣ; былъ ли это онъ, или другой — не знаю, но судя по обстановкѣ и разговору — должно быть онъ. . .

Училище наше при мнѣ посѣтили сначала Словцовъ, потомъ Сперанскій. Обоихъ какъ теперь вижу — высокіе, плѣшивые и важные господа. Въ Словцовѣ меня поразило то, что онъ всегда ходилъ пѣшкомъ, а коляска директора таможни Галляховскаго слѣдовала за нимъ. Думалъ я тогда: вотъ чудакъ-то, отъ чего бы не сѣсть и не поѣхать? Ничтожное обстоятельство это въ глазахъ жителей Кяхты казалось важнымъ и значительно роняло авторитетъ Словцова.

О Сперанскомъ уже мы давно знали наизусть пошлые и конечно лишенные основанія стихи, которые и распѣвали между собой. Вотъ они:

Михайло Сперанскій
Сынъ не дворянскій,
Сынъ поповъ,
Изъ большихъ плутовъ,
Высоко взлетѣлъ,
Отчизну продать хотѣлъ—
Но попалъ въ Сибирь
Читать псалтырь.

Помню о Сперанскомъ два анекдота.

Онъ заѣхалъ къ *тайшѣ* (бурятскій родоначальникъ). На поданной закускѣ между прочимъ стояли лепешки изъ толченой ягоды-черемхи, замѣшанной на маслѣ. Это лакомство бурятъ. Тайша знавшій нѣсколько по-русски, приглашая гостя кушать, сказалъ:

„Ѣшь, тутъ масло есть“!

Фраза эта потомъ стала сибирской пословицей [3]).

[3]) Анекдотъ этотъ напечатанъ мною въ «Сѣверной Пчелѣ» 1858 г. по поводу приглашеній издателей газетъ и журналовъ къ подпискѣ. Въ рекламахъ ихъ такъ и слышится фраза: «Ѣшь, тутъ масло есть».

Въ Кяхтѣ поваръ Сперанскаго потребовалъ теленка. Надобно сказать, что въ Сибири въ то время телятъ не кололи, какъ потому, что выгоднѣе выростить скотину, такъ и потому, что тамъ не умѣли доить коровъ безъ телятъ. Полиція сбилась съ ногъ, давали 25 р. за теленка — никто не продалъ. Но наконецъ теленокъ явился и лишь только Михаилъ Михайловичъ принялся его кушать, какъ ворвалась баба съ жалобой: — „Вчера приставали ко мнѣ продать теленка, для васъ — говорили, давали 25 рублей, я ни за что не продала; а сегодня ночью его украли".

Сперанскій, какъ я слышалъ, только посмѣялся какъ надъ первымъ приглашеніемъ тайши, такъ и надъ похищеніемъ теленка, за котораго разумѣется щедро заплатилъ.

Много также было говору о томъ, что Сперанскій поднесенную ему иркутскими купцами богатую шубу изъ чернобурыхъ лисицъ отдалъ своему камердинеру... Ниже, въ свою очередь, мы остановимся на другой шубѣ и другомъ ревизорѣ Сибири...

Во время частыхъ моихъ побывокъ дома, при мнѣ гостилъ у отца путешественникъ ученый Гессе, кажется впослѣдствіи академикъ и извѣстный химикъ. Тогда онъ изслѣдовалъ какую-то глазную болѣзнь. Онъ много говорилъ, мы слушали, но ничего не понимали, должно быть черезъ-чуръ былъ ученымъ...

Отправляясь далѣе по границѣ, Гессе въ Жиндинскомъ карауле обѣдалъ у смотрителя Барабаньщикова, пока тотъ хлопоталъ о лошадяхъ. Надобно сказать, что всѣ смотрителя карауловъ, а Барабаньщиковъ особенно, отлично кормили. Такой обѣдъ конечно былъ данъ и г. Гессе.

Проводя гостя до границы другаго караула, Барабаньщиковъ, возвратясь домой, нашелъ на столѣ серебряный рубль. Понятно, что гость оставилъ его за обѣдъ, но сибирскому гостепріимцу и хлѣбосолу этого не пришло въ голову, такъ какъ подобнаго случая съ нимъ никогда не было, да и онъ не слыхивалъ, чтобы за обѣды платили. Барабаньщиковъ представилъ рубль этотъ при рапортѣ къ отцу моему, опасаясь какой-то отвѣтственности, и просилъ начальнической защиты.

Отецъ объяснилъ ему дѣло просто и вмѣсто рубля послалъ пятирублевую ассигнацію, а рубль подарилъ мнѣ. Онъ сохранился до сихъ поръ.

II.

Переходъ въ казаки.—Первая ошибка и первая спекуляція.—Кругобайкальская дорога.—Чеусовъ и Фоминъ.—Схватка съ харанутами.—Командировка въ Пекинъ.—О. И. Сенковскій.—Ладыженскій.—Казакъ Кобылкинъ.—Братья Разгильдяевы.—Цурухаевская степь.—Штабъ-лѣкарь Петровъ.—Командировка въ Петровскій заводъ.—Командиръ Лепарскій.—Декабристы Вольфъ, Якубовичъ, Дывыдовы, Трубецкіе, Завалишинъ и др.—Неожиданный отъѣздъ изъ завода.—Графъ де-Сентъ-Альдегонъ.—Генералъ-Губернаторъ Сулима.—Переводъ на службу въ Иркутскъ.—Португальскій монастырь.—И. Г. Ивановъ.—Инженеръ Ле-Дантю.

Въ 1828 году я перешолъ въ казаки, съ чиномъ *сотника*, но это вовсе не значило, чтобы я завѣдывалъ сотнею... Это было тоже, какъ и нынѣ встрѣчаются полковники, неимѣющіе въ своемъ распоряженіи не только полковъ, но часто, съ позволенія сказать, и сапоговъ... Между тѣмъ эти званія, иногда не отвѣчающія нисколько значенію предмета, носящаго ихъ, бываютъ причиною и грустнаго и смѣшнаго. Такъ однажды послалъ я за чѣмъ-то къ старику Б., величавшему себя полковникомъ, мальчишку-вятку. Онъ воротился ни съ чѣмъ въ попыхахъ, испугѣ и едва выговорилъ:

— Вышелъ такой страшный, *мучный* (блѣдный) и спрашиваетъ: „Что надо? *я покойникъ*“, — съ испуга я и драло назадъ.

Переходъ въ казаки былъ первою моею жизненною ошибкой, и, увы, далеко не послѣдней. Но могъ ли я въ 19 лѣтъ, будучи „по природѣ и натурѣ“ [1]) *вольный казакъ*, сидѣть по цѣлымъ днямъ, согнувшись въ дугу, надъ перепискою и даже сочиненіемъ бумагъ (послѣднее время былъ столоначальникомъ), когда и послѣ, въ 50 лѣтъ, бросалъ службы, гдѣ требовалось гнуть горбъ? Переходу этому много способствовали разсказы дѣда Афонасья о Китаѣ, а какъ въ 1830 г. должна была идти туда „духовная миссія“, то я и разсчитывалъ попасть въ провожатые ея.

---

[1]) Замѣчательную фразу эту заимствую отъ полковника фонъ-Финка, который въ 1870 году написалъ въ прошеніи, что онъ «будучи по природѣ и натурѣ дворянинъ и полковникъ» и т. д. (см. Всеобщую Газету 1870 года, № 217).

Въ особенности изъ разсказовъ этихъ поразилъ меня фактъ честности китайцевъ. Онъ заключается въ томъ, что владѣльцы, или арендаторы, колодезей, изъ которыхъ китайскіе города снабжаются водой, раннимъ утромъ начерпаютъ въ водоемы и водопои воды, отправятся по другимъ дѣламъ и, возвратясь вечеромъ, находятъ на днѣ этихъ каменныхъ сосудовъ слѣдующія имъ за воду деньги, такъ какъ каждый взявшій воду, или напоившій осла или лошадь, непремѣнно броситъ слѣдующую съ него монету на дно водоема. (Въ 1830 и 31 гг. я лично провѣрилъ этотъ фактъ; но вскорѣ казаки наши начали запускать свои лапы въ водоемы...).

Перейдя хотя не Богъ знаетъ съ какого жалованья (60 р. въ годъ) на мизернѣйшее—6 р. въ годъ и то ассигнаціями, надобно было озаботиться добычею денегъ, а для этого, по предоставленному казакамъ праву торговли, и представилась мнѣ выгодная, казалось, спекуляція.

Здѣсь необходимо коротко привести исторію основанія Кяхты; хотя я объ этомъ и говорилъ уже, кажется въ повѣсти „Сибирячка“, но рѣшаюсь повторить.

Когда въ 1728 году графъ Савва Владиславичъ Рагузинскій разграничивалъ русскія владѣнія съ китайскими въ нынѣшней Восточной Сибири, ему пришло на мысль, какъ говоритъ преданіе, поставить главный торговый пунктъ на такой рѣкѣ, которая текла бы изъ Россіи въ Монголію, а не обратно, на тотъ случай, чтобы китайцы, народъ хитростный, въ непріязненное время не могли отравить для насъ воду. Но какъ нарочно, по всему протяженію проведенной границы рѣки текутъ изъ Монголіи въ Россію (Селенга, Чикой, Ононъ и др.); оказалась только одна ничтожная рѣченка *Кяхъ* (растеніе-пырей) текущею по желанному направленію. Графъ и избралъ ее для торговаго пункта, получившаго извѣстное названіе Кяхты. Въ предмѣстіи ея, верстахъ въ трехъ, онъ основалъ городъ, въ названіи котораго соединилъ имена св. Троицы и свое — Троицкосавскъ... Оба эти пункта, значичельно возросшіе, находятся между песчаными холмами и сами, буквально, построены на пескѣ. Истребленіе окрестныхъ лѣсовъ еще болѣе увеличило пески, такъ что во время частыхъ сильныхъ вѣтровъ ихъ несетъ точно также, какъ въ мятели снѣгъ, и образуетъ песчаные сугробы. Вслѣдствіе этого обстоятельства въ Кяхтѣ и Троицкосавскѣ никогда не бываетъ санной дороги, ибо выпадающій снѣгъ, смѣшавшись съ пескомъ, препятствуетъ катиться полозу. Но въ зиму 1828—29 гг. выпалъ такой громадный снѣгъ, что нельзя было ѣздить иначе какъ на саняхъ, и ихъ, простыя дровни, покупали по 7 и 8 р.

Это тотчасъ подстрекнуло меня на наживу, и я, взявъ у отца денегъ, объѣхалъ окрестныя и дальнія деревни и села, закупилъ множество простыхъ саней и отправилъ въ Кяхту. Но пока я ѣздилъ, закупалъ и отправлялъ, снѣгъ въ Кяхтѣ и окрестностяхъ ея исчезъ вслѣдствіе наступившаго тепла, съ помощію котораго песокъ взялъ *поверхность* надъ снѣгомъ. Транспорты мои большею частію не достигли своего назначенія и свощики, по невозможности продолжать путь, сложили въ разныхъ мѣстахъ сани въ правильныя, конусообразныя груды. Груды эти во все пребываніе мое въ этихъ мѣстахъ, а можетъ быть и по-нынѣ, стоятъ памятниками неудачной моей спекуляціи.

Вмѣсто Пекина я чуть было не угодилъ въ Питеръ. Въ началѣ 1829 г. потребовали туда отъ всѣхъ сибирскихъ казачьихъ полковъ по офицеру. Изъ Кяхты послали двоихъ: молодаго—меня, и стараго—Александра Разгильдяева, такъ какъ послѣдній добивался этой командировки, а пограничный начальникъ Пѣтуховъ не рѣшился отказать ему и предоставилъ сдѣлать выборъ губернатору.

Мы отправились вмѣстѣ по кругобайкальской дорогѣ, которая представляетъ рѣдкій образецъ необыкновенныхъ усилій для устраненія, казалось, непреодолимыхъ природныхъ препятствій. Довольно сказать, что тутъ есть крутѣйшіе спуски и подъемы верстъ по десяти, наприм., на Хамаръ-Дабанъ, сдѣланные зигзаками, такъ что ѣдучи къ одной цѣли, встрѣчаешься съ своимъ спутникомъ нѣсколько разъ. Дорога эта названа народомъ *восьмеркой*, народнымъ танцемъ этого названія, гдѣ именно дѣлаются такіе крутые повороты. Въ устройствѣ кругобайкальской дороги, въ прошедшемъ столѣтіи, участвовалъ инженеръ Чортовъ, какъ это, помнится, и значится въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара. На одной станціи нашли мы такое къ нему привѣтствіе, начерченное на слюдѣ окна:

«Ну, Чортовъ, ты заставилъ
Себя невольно вспомянуть,—
П у т е м ѣ же ты себя прославилъ:
Ужь настоящій чортовъ путь!»

Необходимо пояснить, что слово *путемъ* на сибирскомъ областномъ нарѣчіи значитъ: *весьма, очень*. Недавно осматривали эту дорогу молодые инженеры путей сообщенія Ледантю и Штукенбергъ. Эти инженеры XIX вѣка изыскивали улучшить дорогу вокругъ Байкала, но ни чего не прибавили къ труду инженеровъ XVIII вѣка. Мною былъ въ свое время представленъ проектъ новой тутъ дороги, казалось мнѣ наилучшій, но онъ „оставленъ безъ послѣдствій“.

Если всматриваться внимательно, такъ вездѣ найдешь краснорѣчивые памятники. Такъ и на этомъ пути встрѣчается нѣсколько брошенныхъ деревень съ громадными хлѣбными магазинами. Дѣло въ томъ, что когда провели дорогу, то тотчасъ распорядились населить ее и для будущихъ урожаевъ выстроить запасные магазины, не задавшись прежде, какъ бы слѣдовало, простымъ вопросомъ: будетъ-ли тутъ родиться хлѣбъ? Оказалось, что онъ на тучной почвѣ вырасталъ въ сажень, но никогда не созрѣвалъ по причинѣ высочайшихъ горъ, закрывающихъ солнце. Помаялись нѣсколько годовъ невольные заселенцы и кое-какъ добились разрѣшенія перебраться въ забайкальскія степи.

Снѣга здѣсь выпадаютъ громадные и зимами, въ томъ мѣстѣ гдѣ верстъ на 200 верховая ѣзда, протантывается одна узкая тропинка, которая время отъ времени, при частомъ выпаданіи снѣга, достигаетъ высоты трехъ и болѣе саженъ, будучи не шире четверти аршина, и поэтому, такъ сказать, забору здѣшнія лошади-акробаты скачутъ, какъ по лучшему ипподрому; надобно только сидѣть на нихъ осторожно, не нарушая равновѣсія, иначе какъ разъ очутишься въ рыхломъ, лежащемъ по сторонамъ снѣгу, на глубинѣ не менѣе сажени. . . Можно судить объ удовольствіи проскакать по забору 200 верстъ! Такія особенности свойственны только Сибири.

Въ Иркутскѣ мы остановились у полковаго атамана Чеусова, который въ молодости безчисленное количество разъ скакалъ курьеромъ въ Петербургъ и обратно, и однажды потерялъ свою курьерскую подорожную, чѣмъ его и поддразнивали. . . Послѣ Чеусовъ былъ замѣненъ другимъ курьеромъ—Фоминымъ. Про послѣдняго разсказывали такой случай. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ, чтобы курьеры являлись къ нему прямо съ дороги, т. е. не переодѣваясь и т. п. Фоминъ однажды прискакалъ изъ Иркутска въ Москву (гдѣ былъ государь) въ 12 сутокъ и явился прямо съ дороги, — но какъ онъ былъ блондинъ, выбрился хорошо передъ отъѣздомъ и, должно полагать, что при путевой безпрерывной тряскѣ волосъ ростетъ медленно, — такъ что государь, взглянувъ на него, спросилъ строго: „ты брился дорогой“?

Фоминъ былъ малаго роста и здорово выпивалъ, особенно въ дорогѣ. Онъ устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ люльки съ крюкомъ, зацѣплялся имъ за облучекъ повозки и ѣхалъ спящій въ качающемся положеніи. На станціяхъ ямщики перевѣшивали его въ слѣдующую повозку.

Увы! И это геройское поприще окончательно закрылъ телеграфъ.

Разгильдяевъ легко уладилъ дѣло командировки въ свою пользу; я возвратился въ Кяхту, но губернаторъ Ив. Бог. Цейдлеръ обѣщалъ мнѣ назначеніе въ Пекинъ, что и исполнилъ.

Возвращеніе было уже черезъ Байкалъ, такъ какъ онъ покрылся льдомъ. Первый осенній путь по этому озеру замѣчателенъ тѣмъ, что ледъ около дороги безпрестанно и громко трескается подъ тяжестію экипажа и изъ щелей то и дѣло бьютъ фонтанчики,—и ничего! Смѣлые сибиряки немедленно отправляются въ путь, увѣренные, что осенній ледъ крѣпокъ.

Въ Посольскомъ монастырѣ видѣлъ простыя могилы русскихъ пословъ, здѣсь нѣкогда убитыхъ, по поводу чего и основанъ монастырь.

Болѣе я нигдѣ не останавливался, спѣша попасть въ заграничную командировку; но и тутъ, прежде ея, еще выпала на мою долю небольшая экспедиція, имѣющая однако-же военный характеръ и кончившаяся раною въ ногу.

Краткая суть въ томъ, что было на границѣ спорное звѣроловное мѣсто, хребетъ *Колоты*. По разграниченіи оно было русское, но казаки, по трудности объѣзжать его дозоромъ, ѣздили по ближайшей сторонѣ, что подало монголамъ поводъ считать хребетъ своимъ и настоять у нашего начальства о воспрещеніи тутъ звѣроловства, что и было удовлетворено безъ разсмотрѣнія справедливости требованія. Между тѣмъ звѣровавшіе въ этомъ хребтѣ буряты-харануты, не смотрѣли на запрещеніе и продолжали охоту; разумѣется, что и монгольское начальство продолжало настаивать о прекращеніи этого. Въ 1829 году было предписано послать отрядъ для удержанія харанутовъ. Начальникомъ его былъ назначенъ я... И такъ мы выступили въ походъ, народъ высыпалъ провожать насъ; плачъ и вой оставляемыхъ жонъ и дѣтей, а также ржаніе жеребятъ (большая часть казаковъ ѣхали на кобылахъ, жеребятъ которыхъ отлучили и заперли) оглашали воздухъ. Дня черезъ три встрѣтили харанутовъ, переговоры не удались, произошла, конечно мизерная, схватка, въ которой я былъ раненъ въ ногу. Харапуты ретировались: по малочисленности отряда въ плѣнъ никого не взято. Простоявъ на мѣстѣ *сраженія* нѣсколько дней и убѣдясь, что враги окончательно удалились, отрядъ торжественно возвратился, безъ потери, только съ хромымъ начальникомъ. Я написалъ самый подробный рапортъ съ должными украшеніями, и конечно расчитывалъ на награду, — но богатый харанутскій родъ послалъ депутацію въ Иркутскъ и добрякъ Цейдлеръ прекратилъ дѣло...

Упоминаю о немъ какъ потому, что это было во всей Восточной Сибири единственное кровопролитное дѣло, такъ и потому, что снисхожденіемъ губернатора я лишенъ права на попеченіе комитета о раненыхъ, что теперь годилось бы...

Въ 1849 году спорное это мѣсто возвращено Россіи и братъ мой Петръ открылъ тутъ хорошее золото.

Путешествіе мое въ Китай и Пекинскій дневникъ напечатаны въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1854 г., февраль, и 1856 г., мартъ и апрѣль. Повторять его здѣсь не буду, а скажу только, что къ простымъ моимъ запискамъ Сенковскій приставилъ свое прехитростное вступленіе и пошлый анекдотъ о китайской церемоніи, не измѣнивъ впрочемъ ничего въ моихъ запискахъ, исключая слѣдующихъ мѣстъ: я писалъ положительно, какъ очевидецъ, что дикія птицы, пролетая съ юга на сѣверъ, не имѣютъ въ густо населенномъ Китаѣ возможности отдыхать и перелетаютъ его не останавливаясь, по чему на первое озеро въ пустынной Монголіи, Цаганъ Болгасу, у котораго оставляются наши лошади,— буквально падаютъ, такъ какъ въ теченіи 9 лѣтъ тутъ никого не бываетъ, слѣдовательно нашего пребыванія, разъ въ 10 лѣтъ, птицы предвидѣть не могутъ, почему намъ и удается не только, что называется, стрѣлять въ нихъ, но даже брать руками. Картина этого паденія на озеро птицъ рѣдкая и поразительная. — Сенковскій придалъ этому вѣрному факту колоритъ нелѣпаго слуха.... Далѣе я положительно говорилъ, что китайская великая стѣна построена вовсе не отъ набѣговъ монголовъ, ибо для этого вовсе не нужно было вести ее по вершинамъ неприступныхъ и безъ того скалъ, а стоило только загородить ущелья, и что *стѣна эта сдѣлана съ цѣлію еще болѣе возвысить скалы и тѣмъ защитить страну отъ сѣверныхъ вѣтровъ и холода*, что вполнѣ и блистательно достигнуто, какъ я видѣлъ своими глазами, пройдя по великой стѣнѣ нѣсколько верстъ. Знаменитый ученый это впервые сдѣланное заявленіе столь замѣчательнаго историческаго факта вычеркнулъ и на полѣ написалъ «ерунда». — Такъ ученые разрѣшаютъ многое... Затѣмъ фамилію: Разгильдѣевъ, какъ она пишется носящими ее, перемѣнилъ въ Разгильдяевъ, что совершенно правильно; но это вызвало на меня неудовольствіе земляковъ моихъ.

Я немедленно протестовалъ противъ этихъ измѣненій моего труда, и слѣдующія статьи, какъ-то: Воспоминаніе о ловлѣ звѣрей, рыбъ и птицъ въ Сибири, Поѣздка съ монгольскимъ губернаторомъ, Пекинскій дневникъ, Неотысканное богатство и др. напечатаны безъ измѣненій, но съ искаженіями, про-

изшедшими отъ незнакомства редакторовъ съ описанными мною предметами.

Чтобы покончить съ Сенковскимъ, скажу, что я видѣлъ его первый разъ въ 1848 году. Начитавшись въ Б. для Ч. сарказмовъ его, я съ замираніемъ сердца шелъ къ этому страшному сатирику, чтобы справиться объ участи статей своихъ, находящихся въ редакціи Библіотеки. Въ большой передней стоялъ диванъ съ круглымъ столомъ, на немъ «Сѣверная Пчела», для чтенія лакеямъ. Меня ввели въ находившуюся передъ кабинетомъ мастерскую, гдѣ стояли токарные станки, ибо великій ученый, сверхъ *точенія* отвлеченныхъ *балясъ*, точилъ и неотвлеченныя.... Пока докладывалось обо мнѣ, я заглянулъ за ширму; тамъ стояла извѣстная мебель и лежала новая, не разрѣзанная, но уже изорванная книжка «Отечественныхъ Записокъ». Все это краснорѣчиво говорило объ отношеніяхъ тогдашнихъ литературныхъ *друзей*.

Но были-ли искренними такія отношенія? Въ разрѣшеніе этого вопроса пришелъ мнѣ на память разсказъ В. Н. Баснина, иркутскаго образованнаго купца. Бывъ въ Петербургѣ, онъ счелъ долгомъ сдѣлать визитъ знаменитому своему земляку Н. А. Полевому. Начитавшись разныхъ нападокъ на его изданія и на него самаго современныхъ ему литераторовъ, Баснинъ выразилъ соболѣзнованіе на такое отношеніе къ Полевому его собратій по профессіи. Полевой не отрицалъ вражды этой, но назначивъ Баснину день, пригласилъ его обѣдать. Каково же било удивленіе сибиряка, когда онъ здѣсь встрѣтилъ всѣхъ воображаемыхъ имъ непримиримыхъ враговъ хозяина, которые были съ нимъ на ты. Тутъ были, по словамъ В. Н., и Гречъ, и Булгаринъ, и Воейковъ и мн. др.

Но мое удивленіе, когда я вошелъ въ кабинетъ, не имѣло границъ: Сенковскій, котораго я воображалъ постоянно демонски смѣющимся, разящимъ стрѣлами остроумія, — плакалъ!

Когда я высказалъ, зачѣмъ пришелъ, онъ отвѣтилъ:

— Извините, сегодня ничего немогу сказать вамъ; видите сколько рукописей (и онъ указалъ на цѣлую, буквально, копну ихъ, лежавшую подъ столомъ).... Сегодня умеръ Губеръ*) и я такъ этимъ несчастіемъ разстроенъ, что не могу не о чемъ думать. Зайдите къ Очкину.

Тогда я искренно повѣрилъ этимъ слезамъ и едва самъ не расплакался, — но теперь думаю иначе....

Зашелъ и къ Очкину. Онъ спросилъ:

— Какая рукопись?

---

*) Губеръ — молодой писатель и поэтъ, сотрудникъ редакціи Б. для Ч.

Изъ всѣхъ посланныхъ въ редакціи рукописей я считалъ болѣе важною — описаніе золотопромышленности, подъ заглавіемъ «Золото», и назвалъ ее,

— Такъ и называется «Золото»?

— Да.

— Ну, «золото», разумѣется, украли, — сострилъ ученый.

И дѣйствительно, «золото» мое безслѣдно пропало и у меня его не оставалось, но я частію воспроизвелъ его въ повѣсти «Тунгузка», нигдѣ не напечатанной, хотя она и была въ редакціи «Отечест. Зап.».

«Истинно говорю вамъ», что только людскія имена меняются, а натура людская пребываетъ во всѣ времена одна и таже. Такъ, ректоры сороковыхъ годовъ также безцеремонно относились къ личностямъ и собственностямъ авторовъ, какъ и редакторы семидесятыхъ годовъ.

Въ Пекинѣ приставъ, сопровождавшій миссію, полковникъ генеральнаго штаба Ладыженскій, показалъ мнѣ съемку плановъ и фасадовъ зданій и картъ. Я усердно занимался этимъ дѣломъ, снялъ оба наши монастыря и уцѣлѣвшій — Португальскій. Съ письменной работой я уже былъ знакомъ и употреблялся не только на переписку донесеній пристава, но и на исправленіе ихъ. Онъ мечталъ о печатаніи ихъ, но азіатскій департаментъ отвѣчалъ только, что «прочтены съ должнымъ вниманіемъ» и это крайне огорчало полковника, которому конечно не приходило на мысль, что записки юнаго секретаря его будутъ напечатаны, хотя и поздно. Какъ въ Пекинѣ, такъ и по возвращеніи въ Кяхту, гдѣ полковникъ прожилъ довольно долго, я пользовался полнымъ его расположеніемъ; онъ обѣщалъ представить меня къ наградѣ и взять съ собой въ Петербургъ.

Но всѣ эти воздушные замки обрушились оригинальнымъ образомъ. Надобно сказать, что я былъ въ тѣсной дружбѣ съ учителями: приходскимъ — Крюковымъ и уѣзднымъ — Давыдовымъ. Послѣдній былъ поэтъ, и даже «великій поэтъ», какъ назвалъ его въ послѣдствіи г. Бачаровъ, издатель газеты «Золотое Руно», въ которой напечатаны стихи Давыдова, потому, какъ узналъ я потомъ, что онъ принялъ матеріяльное участіе въ изданіи. — Циническій Крюковъ относился къ этому дарованію совершенно съ противоположной стороны. Какъ бы то ни было, мы состряпали съ Давыдовымъ одну комедію въ сатирическомъ духѣ. Это дошло до свѣдѣнія Ладыженскаго и добрый до сего времени начальникъ вдругъ разразился страшными ругательствами и написалъ къ пограничному начальнику требованіе, что бы онъ «хорунжаго 14

класса Черепанова, за оказанныя имъ продерзости, непремѣнно подвергнулъ телѣсному наказанію (*выпскъ*, какъ сказано въ бумагѣ, *розгами*), ибо хотя онъ и офицеръ, —но несовершеннолѣтній» (Документъ этотъ сохранился отъ пожара и находится въ архивѣ пограничнаго начальника). Такое требованіе полковника къ сожалѣнію не было исполнено, но тѣмъ не менѣе я былъ отосланъ въ свою команду, награды разумѣется не получилъ и въ Петербургъ не взятъ.

Это вторая ускользнувшая награда и впереди ихъ нѣсколько, ускользавшихъ съ такимъ постоянствомъ, что не получено во всю жизнь ни одной.

Ничего не оставалось лучшаго, какъ, по мѣстному азіатскому обычаю, поступить на мѣсто отца, чего и ему хотѣлось. Для этаго конечно надобно было, тоже по мѣстному обычаю, обзавестись женой, чего также желалъ отецъ, но съ тѣмъ, чтобы я породнился съ давнишними его друзьями, — братьями Разгильдяевыми, которые были начальниками четырехъ пограничныхъ дистанцій въ нерчинскомъ округѣ. Надобно было поѣхать туда высматривать суженую; для сего представился случай сопровождать по границѣ монгольскаго губернатора въ той мѣстности, гдѣ дорога чрезъ Яблонный хребетъ идетъ по русскимъ владѣніямъ и называется «обоюдною». Путешествіе это описано мною и напечатано въ Б. для Ч. 1855 г., сентябрь, стало быть повторять его здѣсь не слѣдуетъ. Вспомню только о замѣчательныхъ двухъ горахъ, по мѣстному выраженію — хребтахъ, которые оригинально названы одинъ — *Пьянымъ*, другой — *Похмѣльнымъ*, какъ бы подымаясь на одинъ — опьянѣешь, а подымаясь на другой — онохмѣлишься.

Разъѣхавшись съ монгольскимъ губернаторомъ, я пустился далѣе по границѣ, благо прогоновъ неплатить, — везли вездѣ даромъ, ибо подводная повинность была обязательной и ею пользовались всѣ, даже безъ всякаго права. Лошадей давали лучшихъ, изъ хвастовства. Весь округъ изобилуетъ лошадьми и всякимъ домашнымъ скотомъ. Богатѣйшій этимъ богатствомъ, казакъ Кобылкинъ, своего рода Ротшильдъ, раздѣлилъ его на семь частей (табуновъ) и размѣстилъ на разныхъ пастбищахъ, обязавъ пастуховъ приготовлять къ пріѣздамъ его лучшее вино изъ молока. Каждую недѣлю въ воскресенье, отстоявъ обѣдню, онъ ѣдетъ къ первому табуну, гдѣ напивается *араки* (молочное вино), ночуетъ, конечно, съ пастушкою, въ понедѣльникъ переѣзжаетъ ко второму табуну и таже исторія. Во вторникъ и слѣдующіе дни до субботы тоже путешествіе. Въ субботу дома баня, вечерняя и утренняя мо-

литва въ церкви — и опять въ походъ. Это безъизмѣнно продолжается сорокъ лѣтъ!

О счетѣ табуновъ нѣтъ и рѣчи, никто не знаетъ, и прибѣгаютъ къ нему только въ крайней нуждѣ, какъ поясню ниже, — но удивительна способность зрѣнія жителей этихъ степей: загнавъ табунъ во дворъ, а большею частію въ падь (узкую долину), хозяинъ окидываетъ взоромъ стадо и навѣрное скажетъ—цѣло ли оно, или нѣтъ. Въ стадахъ барановъ, пастухи, желая воспользоваться бараномъ, прибѣгаютъ къ такому средству: они привязываютъ подъ голову назначенной жертвы камень, для того чтобы она, когда хозяинъ будетъ осматривать стадо, не подымала на него глазъ, какъ дѣлаютъ всѣ бараны. Хозяинъ, разумѣется, скажетъ, что одного барана нѣтъ. Пересчитаютъ—всѣ. На другой день таже исторія. На третій или четвертый, онъ уже не сомнѣвается въ цѣлости стада и тогда пастухи смѣло пожираютъ отмѣченнаго барана.

Выѣхавъ изъ горъ и лѣсовъ, я очутился на необозримой, но плодоносной степи, по которой вьется рѣка Ононъ, напоминающая о Чингисъ-Ханѣ, такъ какъ онъ здѣсь имѣлъ ставку и доселѣ находятся ея развалины. Вдали виднѣются многочисленные стада, — а въ близи—многое множество живыхъ столбиковъ, похожихъ на тумбочки, которые тотчасъ при приближеніи исчезаютъ. Это тарбаганы (сурки), сидящіе у своихъ норъ прямо, т. е. съ поднятой вверхъ головой. Презабавная картина появленія и изчезновенія этихъ столбиковъ. Тутъ столько же тарбагановъ, сколько въ мужицкой избѣ таракановъ. Не отсюда ли и нѣкоторое сходство названій у нихъ? Тарбагановъ ѣдятъ, и я ѣлъ—по такому новому способу приготовленія, каковой весьма удобенъ въ степяхъ: убитаго тарбагана зарыли неглубоко въ землю, наложили костеръ изъ сухой травы и навоза и зажгли его; около часу поддерживался огонь и тогда разрыли яму — тамъ оказался отлично изжарившійся тарбаганъ, шерсть вся слѣзла и кожа поджарилась. Это былъ хорошо приготовленный поросенокъ.

Въ Акшѣ нашелъ я Наталію Алексѣевну Размазину, которая играетъ нѣкоторую роль въ моей повѣсти «Сибирячка» (Б. для Ч. 1855 г., Іюнь) и поселеннаго тутъ декабриста Абрамова.

Вся пограничная линія нерчинскаго округа, составляющая съ 1822 года цурухайтуевское отдѣленіе и раздѣленная на четыре дистанціи, имѣла, какъ я уже сказалъ, начальниками братьевъ Разгильдяевыхъ. Начальникъ чиндантской дистанціи, Анемподистъ Ивановичъ Разгильдяевъ, за походъ въ

Пекинъ получилъ коллежскаго ассесора, тогда какъ старшій братъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ, Евграфъ Ивановичъ (онъ былъ пограничнымъ приставомъ, завѣдывавшимъ всѣми четырьмя дистанціями) былъ титулярный совѣтникъ. Ан. Ив., недолго думая, началъ писать Ев. Ив—чу, вмѣсто прежнихъ рапортовъ, предписанія. Глупость эта имѣла слѣдствіемъ переводъ Ан. Ив. въ забайкальскій полкъ. Я уже не засталъ его здѣсь. Былъ у атамана тунгузскаго полка, Василія Даниловича Холшевникова, почтеннаго старца, безъ малѣйшаго признака воинственности, и также съ гражданскимъ чиномъ. Иррегулярное войско здѣшнее, т. е. Восточной Сибири, ни чуть не отвѣчало своему названію, потому конечно, что и сосѣди—монголы, манжуры и китайцы — суть самые мирные народы въ мірѣ. Есть преданіе, что и киргизы, сосѣди Западной Сибири,—были такимъ же мирнымъ народомъ; тамошніе казаки похожи были на здѣшнихъ, какъ двѣ капли воды одна на другую; но высшему начальству пришло на мысль обучить ихъ воинскимъ пріемамъ. Изучивъ эту премудрость, казаки Западной Сибири, для практики, попробовали сдѣлать набѣгъ на киргизовъ и конечно пощипали ихъ. Начальство, узнавъ объ этомъ, прекратило шалости, — но киргизы не замѣдлили мщеніемъ, здѣлали въ свою очередь набѣгъ, угнали табунъ, — это имъ понравилось и не удерживаемые своимъ начальствомъ, они стали враждебнымъ народомъ.

Изъ всѣхъ степей земнаго шара, Цурухаевская безъ сомненія наилучшая: она покрыта густой цвѣтущею травой, всегда свѣжей по причинѣ влажности климата. По всему протяженію степи вьется широкая рѣка Аргунь; птицъ пѣвчихъ и другихъ, земляныхъ звѣрковъ, тоже имѣющихъ способность пѣть, — множество. Если бы назначено было раю и аду быть въ степяхъ, то конечно первый былъ бы здѣсь, а послѣдній въ Сахарѣ: такова разница двухъ предметовъ, носящихъ одинаковыя названія. За исключеніемъ нѣсколькихъ пограничныхъ редутовъ (по мѣстному — карауловъ), только одинъ Цурухатуй и красуется на степи и то жалкими лачугами, такъ какъ недостатокъ въ деревѣ заставляетъ жить въ мазанкахъ. Евграфъ Ивановичъ Разгильдяевъ жилъ однакоже здѣсь давно и жилъ очень хорошо, можетъ быть, на основаніи истины, что лучше быть въ деревнѣ первымъ, чѣмъ въ городѣ послѣднимъ.

Евграфъ Ивановичъ былъ вполнѣ счастливымъ въ супружеской жизни, имѣя подругу, услаждавшую длинный и скучный путь жизни, въ самой скучной мѣстности Даурiи. Богъ наградилъ ихъ, если не ошибаюсь, осмью сыновьями. Всѣхъ

ихъ добрый, въ истинномъ значеніи слова, отецъ воспиталъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, именно горномъ корпусѣ, на свой счетъ, а это должно согласиться, было трудновато при довольствіи, которое получалъ Разгильдяевъ т. е. при шести руб. ассигн. въ годъ! Разумѣется, что источникомъ средствъ было хозяйство, — но надобно и то сказать, что сбытъ сельскихъ произведеній на окраинахъ Россіи крайне затруднителенъ, и есть много мѣстъ, — къ числу коихъ принадлежитъ и нерчинскій округъ, — которыя завидуютъ даже и Малороссіи, гдѣ во время оно, чтобы получить денегъ на покупку одного пуда сахару, отправляли въ городъ сто пудовъ хлѣба!... Прошу при такой дешевизнѣ главнаго сельскаго произведенія выручать каждый годъ нѣсколько тысячъ рублей необходимыхъ на воспитаніе дѣтей. Но какъ всякому извѣстно, если не всякимъ испытано, что твердостію воли преодолѣваются всякія препятствія, — то Евгр. Ив. блистательно доказалъ это, окончивъ воспитаніе всѣхъ своихъ сыновей вполнѣ.

Кстати разскажу здѣсь примѣръ діаметрально противоположный приведенному.

Карпъ Андреевичъ Петровъ служилъ въ прошедшемъ столѣтіи фельдшеромъ въ какомъ-то полку, во время похода въ Италію свѣтлѣйшаго князя Суворова-Рымникскаго. Какъ извѣстно, Суворовъ по временамъ выдергивалъ волоса изъ рѣсницъ, росшіе по направленію къ глазамъ. Обыкновенно, операцію эту исполнялъ опытный врачъ, — но однажды, какъ разсказывалъ Карпъ Андреевичъ, вѣроятно по капризу, до которыхъ былъ охотникъ знаменитый полководецъ, прислалъ за нимъ, Петровымъ, для выдергиванія рѣсницъ. Операція, конечно, не опасная по прямому своему значенію, но опасная по субъекту, поручившему себя фельдшеру. Нечего было дѣлать, Суворовъ не любилъ немогузнайства. Операція сдѣлана такъ удачно, что Петровъ былъ оставленъ при главномъ штабѣ фельдмаршала и нѣсколько разъ исполнялъ при немъ обязанность оператора, а иногда и доктора. Однажды князь сказалъ ему: „ты очень можешь быть полковымъ лѣкаремъ, разумѣется не въ Россіи, а тамъ гдѣ нибудь на краю свѣта бѣлаго, въ Сибири, напримѣръ, — я велю тебя назначить.

Вслѣдствіе этого, Карпъ Андреевичъ и служилъ въ Сибири, сначала въ военной, а потомъ въ гражданской службѣ, и достигъ чина статскаго совѣтника. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей, необыкновенно замѣчательныхъ красивой наружностію при довольно высокомъ ростѣ и безукоризненной стройности стана. Кромѣ того они отличались необыкновенной

кротостію нрава, такъ что случались иногда слѣдующіе заклады (пари): одна сторона бралась разсердить, вывести изъ терпѣнія котораго либо молодаго Петрова, а другая утверждала, что этого нельзя сдѣлать; и послѣдняя сторона всегда выигрывала, даже и въ такомъ случаѣ, когда первая позволяла себѣ выходить изъ границъ приличія. Такъ, однажды условились увѣрить одного изъ Петровыхъ, что у него посѣдѣла голова; зеркало было убрано, самому посмотрѣть нельзя.

— Постой, — сказалъ одинъ изъ шалуновъ, — выдерну нѣсколько сѣдыхъ волосъ.

И когда онъ согласился, то произошло самое немилосердое теребленіе; Петровъ понялъ что это шалость, но не разсердился, а ушелъ.

Такія физическія и нравственныя качества молодыхъ людей представляли счастливое условіе для умственнаго развитія, — но, увы, имъ не было дано никакого воспитанія, такъ что они не могли даже продолжать службы, данной имъ по ходатайству отца, такъ какъ были почти безграмотны. Послѣ смерти отца, они выѣхали изъ города въ однодворку, построенную при пахатной землѣ и сами занимались сельскими работами, присмотромъ за скотомъ и проч. Для продажи своихъ скудныхъ сельскихъ произведеній посылали въ городъ работника или работницу, ибо неудобно дворянину сидѣть на возу и продавать ковшами молоко; но чтобы посланный не обманулъ, то одинъ изъ хозяевъ приходилъ прежде на рынокъ и помѣщался на чердакѣ неотстроеннаго дома, откуда и наблюдалъ за числомъ проданныхъ ковшей.

Конечно, невозможно каждому смертному получить образованіе, особенно родясь гдѣ нибудь въ окраинѣ, и вы, пожалуй, скажете, что К. А. Петровъ не могъ ничего сдѣлать для дѣтей? Увы, совсѣмъ не то: кромѣ своихъ значительныхъ средствъ, онъ неумѣлъ, или вѣрнѣе, не хотѣлъ воспользоваться рѣдкимъ благопріятнымъ случаемъ, представившемся въ этомъ отношеніи.

Вотъ этотъ случай, или точнѣе — неожиданно полученное Карномъ Андреевичемъ письмо.

«М. Г. Въ бумагахъ моего знаменитаго предка, при которомъ вы имѣли случай находиться, оказались собственноручныя замѣтки его объ оказанной вами услугѣ и заявленіе желанія быть вамъ въ случаѣ надобности полезнымъ... Узнавъ вслѣдствіе этого о мѣстѣ вашего жительства, почитаю долгомъ увѣдомить васъ, что если я могу что либо сдѣлать вамъ угодное, то готовъ на это съ полнымъ удовольствіемъ, употребивъ на это все зависящее отъ меня... Особенно мнѣ

пріятно будетъ быть вамъ полезнымъ по воспитанію и опредѣленію на службу вашихъ дѣтей» и т. д.

Приводимъ письмо, можетъ быть, не точными словами, но смыслъ его вполнѣ сохранился въ памяти; письмо это вполнѣ подтвердило разсказъ Карпа Андреевича объ отношеніяхъ его къ знаменитому Суворову, такъ какъ письмо было подписано прямымъ потомкомъ его.

Конечно, нельзя было ожидать лучшаго случая, для того чтобы устроить счастіе дѣтей, такъ какъ воспитаніе и приличное ему назначеніе считается однимъ изъ главныхъ видовъ счастія. Вельможа, потомокъ знаменитѣйшаго человѣка, предлагаетъ свое содѣйствіе и конечно исполнитъ предложеніе соотвѣтственно своему положенію... Какой восторгъ долженъ былъ наполнить сердце отца, встрѣтившаго такое пособіе къ исполненію священнаго долга! Но Карпъ Андреевичъ вотъ что отписалъ:

«Приношу искреннюю благодарность за великодушное предложеніе содѣйствія въ воспитаніи и опредѣленіи на службу сыновей моихъ, но имѣю счастіе доложить, что я таковаго мнѣнія на счетъ онаго, что природа сама образуетъ ихъ и если Богу угодно дать имъ счастіе по службѣ, такъ оно непремѣнно явится; а потому считаю за лучшее оставить ихъ до совершеннолѣтія подъ личнымъ своимъ надзоромъ и опредѣлить въ пограничное правленіе, сначала безъ жалованья, а потомъ начальство не оставитъ, по мѣрѣ заслуги, вознагражденіемъ. А какъ изволили упомянутъ и о прочемъ, въ чемъ имѣю нужду, то осмѣливаюсь доложить обстоятельство весьма важное для меня. Въ нашемъ городкѣ почетные чиновники, къ числу которыхъ и я принадлежу, почтены высокомонаршею милостію и имѣютъ ордена не только въ петлицахъ, но на шеяхъ. Я же только удостоился ордена св. Владиміра за 35 лѣтъ службы, и хотя конечно не представлялось случая къ оказанію отличія, однакоже на милость образца нѣтъ и если ваше сіятельство удостоите своего вниманія нижайшаго слугу, такъ почелъ бы себя счастливѣйшимъ, если бы былъ по крайней мѣрѣ сравненъ съ другими высшими чиновниками города нашего относительно знаковъ отличія»... и т. д.

Для большаго успѣха при письмѣ посланъ фунтъ чаю въ 30 коп. серебр.

Карпъ Андреевичъ вскорѣ получилъ орденъ Анны 2 ст. Онъ умеръ девяноста лѣтъ, лишенный зрѣнія. На 75 году съ нимъ былъ случай, доказывающій — какимъ здоровьемъ и силой пользовался старикъ (были толки, что онъ пріучилъ

себя къ употребленію въ малыхъ дозахъ сулемы въ винѣ). Случай этотъ онъ приготовилъ самъ, оставя сыновей шалапаями. Старикъ курилъ трубку и для развлеченія ходилъ черезъ дворъ въ кухню раскуривать. Переходъ былъ ему совершенно знакомъ, — но однажды одинъ изъ «Карповыхъ дѣтей», пріѣхалъ на бѣшеной лошади верхомъ, привязалъ ее на тропинкѣ старика и тотъ наткнулся на лошадь, которая хвативъ его задними ногами, перешибла обѣ берцовыя кости. Какова же была сила организма, когда старикъ перенесъ это увѣчье!

Карпъ Андреевичъ былъ крайній оригиналъ даже для своего времени. Приведемъ одно доказательство. Онъ имѣлъ постоянно только одну синюю фрачную пару. Передъ каждой Пасхой дня по три не показывался. Въ эти дни супруга его распарывала старую пару, выкраивала по ней новую и опять сшивала наскоро; а уже къ Пасхѣ тщательно приготовляла новую; тогда старая поступала въ передѣлку для дѣтей.

К. А. не пропускалъ ни одного карточнаго вечера. Тогда въ Кяхтѣ былъ въ ходу банкъ. Петровъ подходилъ къ столу, ставилъ карту съ единственной *синицей* (5 р. ассигнаціями), которую приносилъ, и если проигрывалъ, такъ ни за какія коврижки уже не игралъ въ этотъ вечеръ. Но случалось и не рѣдко, что онъ принося только 5 руб., уносилъ 50 и болѣе.

Какъ докторъ, кяхтинскій штабъ-лѣкарь, К. А. Петровъ, служившій тамъ съ 1790 по 1820 г., отмѣтилъ себя тѣмъ, что еще тогда хорошо зналъ силу хины, потому что лѣчилъ ею отъ многихъ болѣзней, такъ что ему дали и прозвище «хина». А между тѣмъ, извѣстно, что употребленіе хины вошло въ медицинѣ весьма недавно.

Цѣль поѣздки моей въ нерчинскій округъ была достигнута. Я высмотрѣлъ невѣсту и кажется понравился ей, и она мнѣ, потому впрочемъ болѣе, что я руководился желаніемъ отца. Съ этой вѣстію я возвратился къ нему и очень его обрадовалъ. Вскорѣ пріѣхалъ домой младшій братъ мой Петръ, служившій въ нерчинскихъ заводахъ. Узнавъ семейную новость, онъ впалъ въ унынie и на распросы мои признался, что давно влюбленъ въ избранную мной невѣсту... Я, доказавъ ему истинную братскую любовь, пошелъ къ отцу и объявилъ, что съ удовольствіемъ передаю право свое брату какъ на невѣсту, такъ и на мѣсто отца, ибо, сказать по правдѣ, сельская идилія начала надоѣдать мнѣ. Братъ же смотрѣлъ на нее иначе и завидовалъ мнѣ, что, кажется, и принудило его прикинуться влюбленнымъ.

Конечно, не слѣдовало бы мнѣ упоминать о такихъ се-

мейныхъ мелочахъ, — но упоминаю о нихъ изрѣдка въ виду того, чтобы показать, какъ глубоко засѣла во мнѣ философія Ксен. Третьякова о назначеніи человѣка переносить разныя непріятности, съ цѣлію вырабатывать необходимую для лабораторіи природы желчь, и наконецъ того, что исполняя этотъ свой долгъ равнодушно, я создалъ для себя цѣлую цѣпь такихъ случайностей, которыя инаго давно бы уложили въ могилу, а мнѣ только послужили матеріаломъ для воспоминаній и поводомъ для искренняго смѣха... Я даже жалѣю, что нельзя всего разсказать, ибо многое уже слишкомъ невѣроятнымъ покажется, а между тѣмъ все было...

Вскорѣ представилась мнѣ командировка по службѣ въ Петровскій заводъ, ставшій весьма извѣстнымъ по заключенію въ немъ извѣстныхъ декабристовъ.

Такое неожиданное назначеніе, сдѣланное непосредственно иркутскимъ губернаторомъ Ив. Богд. Цейдлеромъ, разстроило мои и отца моего идиллическіе планы на счетъ женитьбы и принятія мѣста его въ Кударѣ.

Меня крайне интересовали петровскіе узники. При въѣздѣ въ заводъ прежде всего бросается въ глаза казематъ, желтое огромное зданіе съ крошечными окнами подъ крышей и выдающеюся по срединѣ гауптвахтой. Нѣсколько далѣе пріятно было увидать кварталъ домовъ женъ государственныхъ преступниковъ, по мѣстному выраженію — «секретныхъ барынь». Первый домъ — Муравьевой, противъ него Ивашевой, возлѣ этого Нарышкиной (уже выбывшей тогда съ мужемъ на поселеніе), черезъ улицу — Давыдовой, далѣе — фонъ-Визинъ (тоже выбывшей), по другой сторонѣ — Трубецкой, Анненковой и Волконской. На востокъ отъ этого замѣчательнаго квартала, на скатѣ горы, заводъ съ строеніями служащихъ на немъ; на западъ, за рѣчкой, частные дома, гдѣ квартира коменданта. На горѣ — единственная церковь. Противъ каземата большой садъ, а вокругъ — довольно высокія горы, покрытыя лѣсомъ. Вообще унылый видъ; небо большею частью туманно; по улицамъ грязь и болота такія глубокія, что разъ пьяный увязъ по горло. Вѣтра разносятъ мусоръ (угольную пыль) и нерѣдко превращаютъ бѣлыя платья дамъ — въ сѣрыя.

Явился я къ коменданту, довольно старому полному генералу, Станиславу Романовичу Лепарскому, очень любознательному господину. Узнавъ изъ распросовъ, что я былъ въ Китаѣ и привезъ нѣкоторыя рѣдкія вещи, онъ пригласилъ меня обѣдать и просилъ принести къ нему рѣдкости.

Къ обѣду явился весь его штабъ: плацъ-маіоръ Осипъ Адамовичъ Лепарскій, племянникъ (ум. 1875); адъютанты:

маіоръ Розенбергъ, капитанъ Клей, аудиторъ, также горный начальникъ Арсеньевъ. Затѣмъ, передъ самымъ обѣдомъ, въ переднюю вошелъ каменщикъ въ кожапомъ передникѣ и запачканномъ зипунѣ; онъ вынулъ изъ баула узелъ, досталъ изъ него форменный сюртукъ, снялъ одежду каменщика, обтерся рукавомъ рубахи и, надѣвъ сюртукъ, явился служащимъ здѣсь казачьимъ офицеромъ забайкальскаго полка — Афиногеномъ Анфимовичемъ Посѣльскимъ. Оригиналъ этотъ, величаемый большею частью *Анафимычемъ*, складывалъ надгробную часовню надъ могилою умершей здѣсь Муравьевой, — и прямо съ работы являлся каждый день къ генеральскому обѣду.

За обѣдомъ продолжались распросы о моемъ путешествіи.

Послѣ обѣда вскорѣ всѣ разошлись. Меня генералъ оставилъ и началъ разсматривать вещи, сначала одинъ; но вскорѣ вошелъ изъ другой половины господинъ въ партикулярномъ костюмѣ, весьма солидный и, какъ оказалось изъ его объясненій рѣдкостей, большой знатокъ многаго.

Въ послѣдствіи узналъ я, что это былъ одинъ изъ узниковъ, врачъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Онъ и другіе избранные обѣдали у генерала на другой половинѣ. Ихъ принималъ тамъ находящійся при старикѣ побочный сынъ его, чрезвычайно похожій на него, по фамиліи Рожанскій.*)

Квартира моя была возлѣ дома Давыдовой. Я продолжалъ заниматься окончаніемъ разныхъ рисунковъ, вывезенныхъ изъ Китая. Это сдѣлалось извѣстнымъ сосѣдямъ. Однажды на заборѣ, отдѣлявшемъ дворъ, появилась очень типичная голова, украшенная глубокимъ шрамомъ на лбу. Я оглянулся въ окно.

— Скажите, пожалуйста, что вы рисуете? спросила голова.

— Прежде позвольте узнать, кто вы?

— Я — Якубовичъ (Александръ Ивановичъ), старый служака; и меня очень интересуетъ, что молодой офицеръ занимается рисованіемъ. Это большая рѣдкость.

— Въ такомъ случаѣ пожалуйте ко мнѣ.

— Не могу, это не позволено. Но вы будьте столько любезны, придите ужо къ NN. (Онъ назвалъ Давыдову, но я забылъ какъ) и принесите свои рисунки.

Я обѣщалъ. Въ этотъ моментъ хозяинъ унтеръ-шахтмейстеръ *Западворовъ* вышелъ на дворъ и голова скрылась.

Вечеромъ пошелъ я къ Давыдовой, взявъ рисунки, кой-какія рѣдкости и двѣ свои рукописи: повѣсть «Монголку» и поѣздку съ монгольскимъ губернаторомъ». Тамъ было нѣсколько узниковъ, самъ Давыдовъ и Якубовичъ. Пробесѣдо-

*) Наслѣдовавъ послѣ отца только скопленныя имъ 20 т. ассигн., онъ ввѣрилъ ихъ одному кяхтинскому аферисту и потерялъ. Огорченіе это рано свело его въ могилу.

вавъ довольно долго за разсматриваніемъ рисунковъ и вещицъ, я наконецъ обратился къ Якубовичу съ просьбой просмотрѣть мои рукописи. Онъ, оставивъ ихъ, сказалъ что самъ въ этомъ ничего не смыслитъ, а покажетъ Николаю Бестужеву. (Возвративъ мнѣ черезъ нѣкоторое время рукописи эти, Ал. Ив. передалъ мнѣніе Николая Александровича, что «Монголка» — плоха, но «Поѣздка», если я захочу исправить ее по сдѣланнымъ замѣткамъ, можетъ быть напечатана. Что и оправдалось: «Монголка», сколько ни путешествовала по редакціямъ, не попала въ печать; «Поѣздка» же напечатана въ Библіотекѣ для Чтенія 1855 г., сентябрь).

Вскорѣ получилъ я приглашеніе отъ экономки Трубецкой Натальи Романовны — крестить съ ней бурята. Я согласился и это дало мнѣ близкую знакомку и куму въ домѣ Трубецкой, гдѣ часто я бывалъ по вечерамъ и встрѣчалъ тамъ только одного Михаила Бестужева, пилъ чай съ необыкновенными сливками и вообще блаженствовалъ какъ сыръ въ маслѣ, ибо кумовство было только средствомъ заманить молодаго жениха, такъ какъ на эту удочку попалъ уже урядникъ Неустроевъ, женившійся на горничной Трубецкой. Сватьба игралась въ домѣ княгини и я тутъ впервые встрѣтился съ княземъ. Указывая мнѣ на счастливыхъ молодыхъ, онъ сказалъ, что возможно и повтореніе такого пріятнаго событія, при чемъ мигнулъ на Наталью Романовну. «Не лучше ли, в. с., указать туда» — сказалъ я, указывая на подростающихъ уже княженъ. Аристократическую гордость, не смотря на ея настоящее положеніе, все-таки покоробило отъ дерзкаго намека сибирскаго казака.

Съ этой встрѣчи я болѣе уже не видѣлъ князя.

За исключеніемъ Лукина, Якубовича, Артамона Муравьева, Николая Бестужева, сохранившихъ еще нѣкоторую энергію въ борьбѣ со скукою заключенія, остальные были совершенно подавлены ею. Между ними были даже лишившіеся разсудка: такъ каждый день я видѣлъ одного на платформѣ гауптвахты, стоявшаго какъ истуканъ; другой, Якушкинъ, кажется, наряжался подѣтски; Дм. Завалишинъ воображалъ, что безъ его дѣятельности всѣ погибли бы съ голоду и т. п.

Узникамъ назначена была ручная работа: ежедневно смолоть по 20 фун. ржи, для чего и устроили не вдалекѣ мельницу съ ручными жерновами, куда въ назначенный часъ заключенные отправлялись цѣлымъ кадромъ.

Упражненіе въ молотьи ржи принесло краю ту пользу, что здѣсь Якубовичу впервые пришла мысль примѣнить жернова къ лущенію кедровыхъ орѣховъ, изъ коихъ добывается

превосходное масло, каковое лущеніе прежде производилось грубымъ способомъ — зубами, отъ чего и масло выходило дурное.

(Въ послѣдствіи полякъ Савичевскій примѣнилъ этотъ способъ на устроенномъ имъ для добыванія кедроваго масла заводѣ, какъ это будетъ разсказано подробнѣе послѣ).

Я сошелся довольно близко съ Завалишинымъ чрезъ своего родственника — маіора Степанова. Когда только маіоръ дежурнымъ, я у него на гауптвахтѣ и Завалишинъ тутъ же. Это былъ неутомимѣйшій и неглупый болтунъ; онъ могъ безъ устали и остановки проговорить нѣсколько часовъ сряду и весьма занимательно. Степановъ слушалъ его для забывы; а я для нѣкотораго рода назиданія, ибо могу сказать, что Петровскій заводъ составлялъ для меня нѣчто похожее на академію, или университетъ, съ 120 академиками, или профессорами, напичканными многосторонними познаніями, которыми охотно дѣлятся отъ скуки. Можно было многаго какъ наслушаться, такъ и надуматься, видя такой плачевный результатъ несбыточной затѣи... Якубовичъ разъ говорилъ при мнѣ, что у него было 400 крестьянъ, и слѣдовало бы заняться устройствомъ ихъ быта, «тамъ нѣтъ этого для меня было мало, — прибавилъ онъ, — захотѣлось устроить быть сотни милліоновъ, — вотъ какъ и устроилъ, смѣшно самому».

Дамы, какъ называютъ здѣсь женъ декабристовъ, разсыпали по здѣшней мѣстности кучу денегъ съ такою щедростію, что я самъ однажды получилъ отъ княгини Трубецкой пять рублей за очинку ей пера (тогда не было еще стальныхъ перьевъ). Это обстоятельство выдвинуло смѣтливыхъ людей изъ ничего на степень богачей. Такъ разжился мясникъ Ефремовъ, ссыльно-каторжникъ. Онъ построилъ двухъ-этажный домъ, облекся въ красный халатъ и, имѣя видную наружность, могъ вовлечь въ ошибку на свой счетъ даже жену свою. Ее онъ выписалъ изъ Россіи уже въ это время своего благоденствія. Однажды къ окну квартиры моей подъѣхала на простой телегѣ женщина, назвалась женой Ефремова и просила указать, гдѣ онъ живетъ. Видя ея убогую наружность, мнѣ вздумалось подшутить надъ нею.

— Тебя прежде надобно вести къ коменданту — сказалъ я — и повелъ ее къ дому Ефремова. Она вошла съ трепетомъ и увидавъ *генерала* въ красномъ халатѣ, упала въ ноги и просила позволенія видѣть мужа.

— Да вѣдь я то и мужъ твой — проговорилъ въ недоумѣніе Ефремовъ, — съ чего взяла, что я генералъ?

— Ваша п—во... Но тутъ она узнала мужа и бросилась обнимать его.

Такія личности, которыхъ было здѣсь довольно, начиная со свиты коменданта Лепарскаго, — представляли рѣзкій контрастъ съ декабристами. Въ самомъ дѣлѣ, трудно придумать непріятнее перехода «изъ гвардіи въ этотъ гарнизонъ». Одинъ только Лунинъ не потерялся и счелъ за лучшее не выходить изъ своего нумера, питаться однимъ лукомъ и молиться, принявъ католицизмъ. Артамонъ Муравьевъ, бывшій полковникъ гвардіи, взялся за фельдшерство и бѣгалъ по заводу, проминая свою толщину. Докторъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ самъ не ходилъ къ больнымъ, а посылалъ его. Прочіе бродили какъ тѣни.

Едвали существовалъ на свѣтѣ начальникъ добрѣе и снисходительнѣе Лепарскаго. Я самъ испыталъ эту доброту. По послабленію дежурнаго офицера, моего родственника Пет. Ив. Степанова, забрался я вечеромъ въ казематъ, пробылъ у Александра Ивановича Якубовича не долго, засидѣлся у младшаго Завалишина до того, что ворота замкнули и ключи отнесли къ коменданту. Когда узнали, что я запертъ, понадобилось разбудить старика, — и меня выпустили.

По утру онъ сказалъ мнѣ:

— Я ничего не знаю, но вамъ надобно возвратиться въ свою команду. Здѣсь вы болѣе не нужны.

Пришлось уѣхать съ сожалѣніемъ, потому что жилось здѣсь весьма пріятно. Утро за дѣломъ; каждый день обѣдъ у коменданта, хотя въ супѣ были всегда мухи, которыхъ здѣсь гибель. Это отъ того, что генералъ сидѣлъ въ началѣ длиннаго стола, а камердинеръ его, стоя за стуломъ, бумажною метлою безпрестанно отмахивалъ мухъ, которыя и падали въ наши тарелки. Разговоръ велся всегда дѣльный и оживленный. Послѣ обѣда прогулки въ большомъ устроенномъ Станиславомъ Романовичемъ саду, гдѣ стояло нѣсколько статуй. Окрестности завода тоже были устроены для пріятныхъ прогулокъ, напримѣръ, холмъ, гдѣ Лепарскій назначилъ себѣ могилу. Вечеромъ — у старой дѣвы, Настасьи Захаровны Рикъ, мѣтившей въ генеральши и жившей для это противъ его квартиры. Тамъ собиралось маленькое, но веселое общество и велась игра на мелокъ.

Въ 1833 году я тѣмъ же внимательнымъ ко мнѣ губернаторомъ Цейдлеромъ былъ командированъ сопровождать по Забайкалью французскаго путешественника Графа Де-Сантъ-Альдегонъ. Я встрѣтилъ его у Байкала, проводилъ въ Кяхту и обратно. Онъ не зналъ ни слова порусски, а я — пофран-

цузски, почему объясненія были весьма коротки; притомъ графъ спѣшилъ точно на пожаръ, нигдѣ и ни на чемъ не останавливался, точно единственною мыслію его было скорѣе выбраться изъ Сибири.—Въ послѣдствіи я узналъ причину этой поспѣшности и она столь оригинальна, что нельзя не разсказать.

Графъ Альдегонъ былъ ученый геогнозъ и цѣлію своей поѣздки въ Сибирь имѣлъ осмотръ горныхъ заводовъ, для чего ему достаточно было достигнуть уральскаго хребта.

Въ Петербургѣ, дѣлая прощальные визиты, онъ говорилъ, разумѣется, что ѣдетъ въ Сибирь.

— Такъ не будете-ли столько добры—сказала ему одна знатная дама—привести мнѣ изъ Сибири матеріи по этому образчику, у меня не достало на платье?

Графъ какъ вѣжливый французъ, взялъ образчикъ и обѣщалъ исполнить порученіе.

По пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, центръ уральскихъ горныхъ заводовъ, — онъ спросилъ: гдѣ тутъ можно купить такую матерію?

Ему отвѣчали — въ Кяхтѣ.

— А далеко-ли Кяхта?.

— Четыре тысячи верстъ.

Вѣрный данному слову и дамской угодливости, Альдегонъ поскакалъ въ Кяхту.

Послѣ этой командировки былъ я на ординарцахъ у пріѣзжавшаго въ Кяхту генералъ-губернатора Восточной Сибири Николая Семеновича Сулимы, въ день его выѣзда. Передъ обѣдомъ генералъ, прохаживаясь по залѣ въ довольно веселомъ расположеніи и съ разгорѣвшимся лицомъ, остановился передо мной и внимательно посмотрѣлъ.

— Не лучше-ли тебѣ спросилъ онъ — служить въ Иркутскѣ, чѣмъ въ этой глуши?

— Я былъ-бы очень радъ, в. в.

— Такъ поди вели написать записку объ этомъ, да поторопись, — я скоро уѣзжаю.

— В. в., позвольте мнѣ здѣсь написать.

— Самому?

— Да.

— Садись, посмотримъ.

Надобно сказать, что офицерство нашего войска, даже въ самомъ Иркутскѣ, было безграмотное, по чему и понятно, что выходка моя удивила генерала.

Записка была готова, генералъ остался ею доволенъ и вскорѣ состоялся переводъ мой въ иркутскій казачій полкъ

хорунжимъ. Служба и разныя приключенія тамъ составятъ слѣдующую главу, а эту заключимъ выписками изъ статьи «Человѣческая живучесть», относящимися къ этому времени воспоминаній.

Въ Пекинѣ, какъ уже извѣстно, была поручена мнѣ съемка плановъ, между прочимъ, съ существовавшаго только одного Португальскаго монастыря. Я перебрался туда. Монастырь состоялъ изъ огромнаго храма, нѣсколькихъ рядовъ зданій для келлій, столовыхъ, библіотекъ и т. п., а жителемъ всей этой громадной пустыни былъ одинъ старый епископъ. Замѣчателенъ разсказъ, какъ сохранилось это зданіе отъ уничтоженія (со стороны китайскаго правительства), которому подверглись два или три другіе европейскіе монастыря. Во время оно іезуиты страшно надоѣли китайскому правительству вмѣшательствомъ въ политическіе дѣла; но они были необходимы, потому что составляли календари, служившіе подарками многочисленнымъ вассаламъ, являвшимся къ каждому новому году съ существенными приношеніями.

Полагаю умѣстнымъ разсказать здѣсь, какъ угощаются въ Пекинѣ эти гости. Во дворцѣ громадная зала, длиною въ 300 сажень, но узкая. Въ одномъ концѣ закрытый балконъ, гдѣ богдыханъ присутствуетъ невидимый во время обѣдовъ. Во всю длину залы столы, уставленные яствами, сдѣланными изъ фарфора. Гости сидятъ и дѣлаютъ видъ, что будто бы ѣдятъ, потомъ утираютъ рты, кланяются къ балкону и уходятъ. Кушанья, разумѣется, остаются цѣлыми навсегда.

Но возвратимся къ календарямъ. Португальскіе миссіонеры, желая повредить другимъ, вызвались составить календарь на 200 лѣтъ впередъ. Іезуитовъ тотчасъ выгнали, монастыри ихъ разрушили, — а за тѣмъ и самимъ португальцамъ объявили, что и они также могутъ убираться, потому что календарь на 200 лѣтъ есть уже. По убѣдительной просьбѣ, одному престарѣлому и больному епископу дозволено дожить свой вѣкъ въ Пекинѣ, поэтому и оставленъ монастырь въ цѣлости.

Первымъ дѣломъ моимъ было, разумѣется, осмотрѣть достопримѣчательности. Въ храмѣ нашелъ я хорошо сохранившійся образъ, изображающій пришествіе волхвовъ; между ними былъ и китаецъ въ національной одеждѣ и шапкѣ съ шарикомъ, знакомъ дворянина, и павлинымъ перомъ — знакомъ должности лица. Такъ искажалась историческая истина изъ личныхъ разсчетовъ! — Взобравшись на верхъ по полуразрушенной лѣстницѣ, остановился надъ разобраннымъ громаднымъ органомъ, металическія трубы котораго валялись

какъ бревна. Потомъ узналъ я, что органъ этотъ привлекалъ столько народу своими звуками, что по улицѣ не было ни проходу, ни проѣзду, — почему онъ и былъ разрушенъ. — Пробравшись на самую верхнюю башню, я увидѣлъ великолѣпнѣйшую картину: весь Пекинъ какъ на ладони; всѣ зданія перемѣшаны съ садами, тогда въ полной зелени и цвѣтѣ.... Прелесть въ полнѣйшемъ смыслѣ! Отсюда пришла мнѣ фантазія пройти по краю крыши, которая оканчивалась папелью изъ каменныхъ плитъ, представившихъ возможность *прогуляться* по нимъ. Вышина зданія была по меньшей мѣрѣ саженъ двѣнадцать, и взглянувъ внизъ, я ощутилъ какое-то ужасное наслажденіе. Вдругъ изъподъ ноги выскользнула плита и полетѣла внизъ, я неизбѣжно послѣдовалъ бы за ней, еслибъ инстинктивно не упалъ въ противоположную сторону на крышу, и мгновенно потерялъ сознаніе. Очнувшись, долго не рѣшался сдвинуться съ мѣста; я буквально чувствовалъ, что волоса мои становились дыбомъ, и тогда только разсмотрѣлъ, что всѣ плиты, по которымъ шелъ, отъ вывѣтренія цемента, готовы выскочить изъ своихъ мѣстъ. Но нельзя же было оставаться тутъ; кое какъ по крышѣ на четверенькахъ выбрался, — и воспоминаніе объ этомъ случаѣ до сихъ поръ производитъ во мнѣ дрожь.

Въ эту только поѣздку получилъ я понятіе о медицинѣ какъ наукѣ, благодаря вниманію почтеннаго доктора нашего Порфирія Евдокимовича Кирилова, который возстановилъ мое здоровье. Оно было до сихъ поръ слабое по причинѣ, полагаю, неумѣреннаго лакомства разными печеньями, которыя въ домѣ нашемъ заготовлялись въ обиліи, большею частію пряженыя въ маслѣ. Я часто страдалъ болью въ животѣ и родители прибѣгали къ помощи бурятскихъ ламъ (духовные лица), кои всѣ включительно занимаются лѣченіемъ. Но въ чемъ оно состоитъ? У ламы сотни кошельковъ съ разными медикаментами, истертыми въ порошокъ. Онъ беретъ изъ каждаго кошелька по нѣкоторой дозѣ ложечкой и все это смѣшиваетъ, раздѣляетъ на пріемы и даетъ больному въ томъ предположеніи, что которое нибудь лѣкарство подѣйствуетъ же противъ болѣзни. Отвратительнѣе этихъ такъ называемыхъ «ламскихъ задачекъ» я ничего незнаю. И надобно же было, чтобы они не уморили меня!

Въ Забайкалье, на пути въ Петровскій заводъ, ѣхалъ я съ однимъ ямщикомъ — мальчикомъ и догналъ пятерыхъ бѣглыхъ-каторжниковъ. Я, тоже мальчикъ лѣтъ 19-ти, пришелъ въ такой воинственный азартъ, что выскочилъ изъ экипажа съ бывшимъ при мнѣ кинжаломъ и приказалъ оторопѣвшимъ

бѣглымъ вязать другъ друга; они повиновались, но вяло; я въ экстазѣ бросилъ кинжалъ на землю и началъ вязать самъ. Какъ не пришло имъ, еще не перевязаннымъ, схватить кинжалъ и заколоть меня, — одному Богу извѣстно! Когда перевязалъ и повелъ плѣнныхъ къ экипажу, ямщикъ мой уже убѣжалъ, и я, посадивъ связанныхъ въ повозку, сѣлъ на козлы и пріѣхалъ на станцію.

Около этого же времени представлялся мнѣ случай умереть пофранцузски — отъ угара. Нанималъ я маленькую комнату возлѣ столовой и вмѣстѣ кухни, такъ что къ обѣду призывали меня стукомъ въ стѣну. Въ комнаткѣ была отдѣльная печка, которую топили по утрамъ, когда я уходилъ на службу, такъ что я и не зналъ — угарная она или нѣтъ. Однажды попалась мнѣ поэма Баратынскаго «Эда». Цѣлый вечеръ читалъ я ее и перечитывалъ. Она такъ понравилась мнѣ, что я рѣшилъ списать ее и для этого не пошелъ на службу. Когда я писалъ, печку вытопили и закрыли; кончивъ письмо, отъ усталости легъ на постель, упершись ногами въ стѣну печки, иначе не было мѣста — и немедленно заснулъ. Стукъ въ стѣну призывалъ меня къ обѣду, но мнѣ такъ сладко спалось, что я рѣшилъ не идти; къ спасенію моему кухарка не угомонилась и простучала второй и третій разъ, прерывая мой сонъ. Это мнѣ надоѣло и я пошелъ черезъ холодные сѣни сказать, что обѣдать не буду, — но лишь пахнулъ на меня холодъ, какъ я упалъ замертво... Едва отлили водой, такъ угорѣлъ.

Многочисленныхъ опасностей, которымъ подвергалась жизнь моя во время моихъ охотничьихъ похожденій, не привожу здѣсь, такъ какъ о нихъ упоминалось въ «Воспоминаніахъ о ловлѣ звѣрей, птицъ и рыбъ въ Сибири», напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1854 года, февраль, апрѣль и май, 1855 — февраль и 1859 — іюль. Скажу только, что хоть критики того времени, не всѣ впрочемъ, отнеслись недовѣрчиво къ моимъ разсказамъ, — но они заключали въ себѣ голую правду, ибо какъ тогда, такъ и теперь я вовсе не имѣю въ виду хвастаться своими похожденіями, а желаю только представить доказательства, что есть какая-то невѣдомая сила, которая бережетъ человѣка, не смотря ни на какія его дерзости и безразсудства. Для чего бережетъ? — Это тоже темный вопросъ.

Еще нѣсколько доказательствъ этой бережливости, относящихся ко времени, взятому въ этой главѣ.

Религіозность моя въ юные годы была искаженная и такъ сказать смѣшанная, потому что антирелигіозныя идеи бродили

и въ то время, какъ и нынѣ. Поэтому рано выработалось у меня мнѣніе о самоубійствѣ, — отъ котораго впрочемъ не отрѣшился и до сихъ дней, — что оно есть дозволенное и вѣрное средство покончить съ жизнію, когда въ ней не предвидишь ничего хорошаго. Надобно только, во-первыхъ, здраво и всесторонне обсудить — точно-ли жизнь ничего не представляетъ въ будущемъ, и что нѣтъ уже никакой возможности исправить ее? И во вторыхъ — недолжно совершать этого акта, какъ обыкновенно дѣлаютъ, съ эфектомъ, чтобы пропечатали о вашемъ подвигѣ въ газетахъ. Это и доказываетъ, что большая часть самоубійствъ совершается необдуманно, такъ сказать въ торопяхъ, чтобы не раздумать... При обдуманности, я увѣренъ, что отлагается 99 изъ ста рѣшеній, какъ это и случалось со мной. — Во всю свою длинную жизнь я зналъ только одно обдуманное и, можно сказать, раціональное самоубійство.

Это была смерть кяхтинскаго пограничнаго начальника, Ивана Григорьевича Иванова. Будучи гвардейскимъ полковникомъ, онъ за какую-то провинность (говорили, похитилъ понравившуюся ему лошадь, которой продать не хотѣли), былъ переведенъ въ гражданскую службу въ Сибири, гдѣ ему и дали мѣсто это въ Кяхтѣ. Можно судить о положеніи еще не стараго, холостаго, избалованнаго жизнію штабъ-офицера гвардіи въ Кяхтѣ, между лицами, о коихъ Рылѣевъ сказалъ: «купцы наши невѣжды», съ такими подчиненными, коковы сибирскіе казаки, въ сравненіи съ гвардейцами, и офицеры, изъ которыхъ одного спросили: «какая разница между офицеромъ и казакомъ»? — онъ отвѣтилъ: «казакъ получаетъ провіянтъ, а офицеръ не получаетъ—». — Ив. Гр. не вынесъ сибирской тоски, а возвратиться на прежній путь не было никакой возможности. Онъ заболѣлъ и вмѣсто предписанной діеты, обжирался колбасой и ветчиной, лекарства бросалъ, — и умеръ самою, такъ сказать, христіанскою смертью въ чемъ никто не сомнѣвался, кромѣ близкихъ къ нему.

Мои *обдумыванія* самоубійствъ были по настоящее время (о будущихъ впереди) по такимъ поводамъ:

Когда мнѣ было только 16 лѣтъ, отецъ, кутивши съ пріятелями, подстрекаемый ими, рѣшилъ женить меня: призвали и приказали готовиться; никакихъ возраженій не слушали. Насиліе это до того возмутило меня, что я рѣшился повѣситься, если отецъ не измѣнитъ своего намѣренія, чего я дожидалъ: когда кончится кутежъ, думалъ я, если и тогда будетъ таже пѣсня, такъ ужъ баста... Прошло дня три въ мучительномъ ожиданіи, кутежъ прошелъ и отецъ сказалъ

мнѣ, что онъ *потрунилъ*, т. е. пошутилъ. Хороша бы вышла шутка!

Но далѣе дѣло было по серьезнѣе. Рыская по Забайкалью часто бывалъ въ Верхнеудинскѣ, гдѣ познакомился съ судьей Окороковымъ. У него была единственная и премиленькая дочь — Клавдія Ивановна. При всемъ своемъ стараніи обдумывать свои поступки, я необдуманно и по уши влюбился въ эту *сибирячку*. Намѣренія мои были чисты, я ихъ высказалъ и ихъ одобряли, только желали спросить прежде окончательно рѣшенія крестнаго отца — иркутскаго вице-губернатора Кирилова, автора самыхъ скучныхъ и бездарныхъ записокъ о Сибири. Написали къ нему, я уѣхалъ домой съ самыми блестящими надеждами и разумѣется еще болѣе влюбленный. — Долго ждалъ отвѣта, сердчишко надрывалось. — Въ это время пріѣхалъ комнѣ другъ и пріятель, молодой инженеръ Ле-Дантю, съ которымъ коротко сошелся въ Петровскомъ заводѣ, гдѣ у него была родная сестра, жена декабриста Ивашева, добровольно пріѣхавшая къ нему дѣвицей, и здѣсь повѣнчавшаяся. Она, кажется, была гувернанткой въ домѣ Ивашевыхъ. — Разумѣется, первою новостію былъ разсказъ о намѣреніи жениться и о невыносимости ожиданія рѣшительнаго отвѣта. Ле-Дантю настолько былъ мнѣ другомъ, что обѣщалъ ѣхать прямо въ Верхнеудинскъ, узнать о ходѣ дѣла и увѣдомить. Я проводилъ его съ полною увѣренностію на хорошій исходъ порученія, такъ какъ онъ далъ слово употребить всѣ старанія склонить дѣло въ мою пользу. — Но и отъ друга долго не было вѣсти. Я не вытерпѣлъ и поскакалъ въ Верхнеудинскъ. На квартирѣ у атамана Забайкальскаго полка Анемп. Ив. Разгильдяева меня тотчасъ спросили:

— Слышали, какая здѣсь важная новость?

— Нѣтъ.

— Вашъ другъ, Ле-Дантю, женится.

— На комъ?

— На вашей невѣстѣ — Клавдіи Ивановнѣ.

Много разъ потомъ встрѣчалъ я извѣстія въ газетахъ, что такой-то и такой-то застрѣлились отъ любви, разумѣется обманутой, и вполнѣ вѣрилъ этому, ибо самъ едва удержался отъ искушенія пустить въ себя пулю, будучи такъ жестоко обманутъ и другомъ и возлюбленною, и то только потому, что казакъ мой и человѣкъ Ле-Дантю не отходили отъ меня; послѣдній на колѣняхъ умолялъ пощадить барина его, который избѣгалъ встрѣчи со мной; да я и самъ вскорѣ ускакалъ во-свояси и дорогою раздумалъ убиваться.

Былъ поводъ еще серьезнѣе; о немъ долженъ упомянуть

по тому, чтобы не упрекнули меня за умолчаніе. Какъ я уже гдѣ-то сказалъ, граница оберегалась отъ переѣздовъ за нее контрабандистовъ и т. п. ежедневными разѣздами казаковъ между редутами. Повѣрялись разѣзды эти печатями въ деревянныхъ колодкахъ, въ формѣ яйца: одна передавалась отъ крѣпости до другой, другая — между редутами. Этимъ постояннымъ сообщеніемъ пользовались для даровой пересылки писемъ и посылокъ. Разъ отецъ, бывъ въ Кяхтѣ и собравшись ѣхать домой, послалъ меня за посылкою къ попу Алексѣю, тестю одного изъ Разгильдяевыхъ. Я принесъ, отдалъ отцу и онъ уѣхалъ. Посылка перешла по меньшей мѣрѣ черезъ 50 рукъ на протяженіи пути въ 1000 верстъ, — и изъ нея пропали зашитыя въ ней деньги 6 т. — Нарядилось слѣдствіе, отецъ изъ боязни отвѣтственности и уплаты пропажи, впалъ въ меланхолію и даже помѣшательство, меня привлекли къ допросу и почему-то общее мнѣніе приписывало похищеніе мнѣ, тогда какъ все мое участіе состояло въ томъ, что я перенесъ посылку, вовсе не зная, что въ ней зашиты деньги, ибо было сказано, что тутъ зашита китайская матерія, что и справедливо, судя по мягкости и объему. Разстройство здоровья отца тоже мнѣ приписали, — словомъ я былъ на краю погибели, какъ человѣкъ въ юности теряющій хорошую репутацію, и крайне призадумывался, послѣдствія чего легко было предвидѣть. Но кончилось тѣмъ, что судъ призналъ нахожденіе въ посылкѣ денегъ недоказаннымъ, меня оправдали, отецъ выздоровѣлъ, поплатившись только почтовою пересылкой рублей 20. — Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что деньги вытащила, зашивая посылку, любовница попа, и ихъ было не 6 т., а 600 руб. Отецъ Алексѣй наложилъ хорошіе проценты, на случай еслибы взысканіе пало на моего отца.

III.

Новое назначеніе. — Слѣдственная коммиссія. — Ссыльный Кобринъ. — Декабристъ Поджіо. — Поликсеньевъ. — Возвращеніе во фронтъ. — Баронъ Зальвергельмъ. — Высылка изъ Иркутска. — Генералъ-Губернаторъ Броневскій. — Крюковъ. — Жизнь въ Кяхтѣ. — Сестра Анна. — Золотопромышленникъ Кузнецовъ. — Тунка. — Князь Горчаковъ. — Люблинскій. — Тункинскія воды. — Раевскій. — Аліберъ. — Женитьба. — Семейное преданіе. — Дувѣровъ. — Выходъ въ отставку. — Служба у золотопромышленника Мясникова. — Открытіе пансіона. — Байкалъ. — Опасности. —

Генералъ-Губернаторъ Сулима, обозрѣвая ввѣренный ему край, остался очень довольнымъ, что нашелъ грамотнаго ка-

зака. Льстецы, разумѣется, раздули это удовольствіе и приготовили мнѣ новое мѣсто смотрителя казенныхъ зданій, съ содержаніемъ въ 800 руб., да званіе хорунжаго давало 240 руб., и такъ переходъ съ 6 руб. на 1000 былъ не дуренъ. Кромѣ того лишь явился я въ Иркутскъ, меня прикомандировали къ важной слѣдственной коммиссіи посланной въ Александровскій казенный заводъ для открытія дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій.

Предсѣдателемъ коммиссіи былъ Совѣтникъ главнаго Управленія Николай Степановичъ Турчаниновъ, извѣстный въ ученомъ мірѣ ботаникъ. Члены: чиновникъ Охапкинъ, котораго обыкновенно называли Хапкинъ, и — я, юный казакъ.

Поводъ къ коммиссіи былъ слѣдующій: За нѣсколько лѣтъ въ Александровскомъ заводѣ былъ ссыльнымъ загадочная личность — Иванъ Алексѣевичъ Кобринъ. По образованію, свѣтской манерѣ и проч., онъ несомнѣнно нѣкогда принадлежалъ къ высшему аристократическому кругу столицы; въ чемъ состояло преступленіе его, я и послѣ сошедшись съ нимъ коротко, не могъ выпытать отъ него. — Разумѣется онъ, какъ и многіе другіе, намѣкалъ на политическое значеніе своей ссылки, но я, видѣвъ много политическихъ преступниковъ, державшихъ себя безъ исключенія всѣ, какими-то ошпаренными курицами, не повѣрилъ бойкому Кобрину, какъ не вѣрилъ въ томъ же Раевскому, что послѣ и подтвердилось записками Липранди... но объ этомъ рѣчь впереди. — Въ заводѣ Кобринъ вошелъ въ близкія отношенія съ женой управляющаго заводомъ — Пильникова,*) за что былъ имъ больно высеченъ и отосланъ въ Нерчинскіе заводы.

Когда Генералъ-Губернаторъ подъѣзжалъ къ Нерчинскому заводу, то на пути была партія заводскихъ косцовъ подъ конвоемъ. Одинъ изъ нихъ, одѣтый въ тонкое бѣлье, размахивая косой, громко напѣвалъ по французски. Слова пѣсьни заключали просьбу выслушать его жалобу. Генералъ велѣлъ представить къ себѣ пѣвца. То былъ Кобринъ. Онъ не настолько былъ простъ, что-бы, жаловаться на «росписаніе ему Европы», а выдумалъ, какъ по слѣдствію оказалось, фабрикацію въ заводѣ фальшивыхъ ассигнацій, что и брался доказать, если его туда вытребуютъ. Его отправили въ Иркутскъ и нарядили коммиссію.

Коммиссія состоявшая изъ ботаника, чиновника и молодаго казака, нашла въ заводской кассѣ нѣсколько фальшивыхъ

*) Была бойкая барыня, ѣздила въ коляскѣ, наряжалась въ шелкъ и т. д. Это было 1833 г. а 1848, въ Екатеринбургѣ она явилась ко мнѣ въ рубищѣ наниматься въ кухарки.

бумажекъ, представили ихъ въ Иркутскъ, гдѣ однако эксперты нашли ихъ настоящими, о чемъ и увѣдомили насъ.

Дѣло Кобринъ развелъ въ громадные размѣры и ничего не доказалъ, но былъ оставленъ въ Иркутскѣ по ходатайству старыхъ пріятелей изъ знати: Тюменцова и другихъ.

Здѣсь, т. е. въ Александровскомъ заводѣ, я первый разъ встрѣтился съ своего рода знаменитостію — крестьяниномъ въ модномъ фракѣ, цилиндрѣ и т. п., говорившемъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ и бойко по французски. Это бывшій сосланнымъ въ 1824 году разжалованный маіоръ Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій. Послѣ, лѣтъ черезъ пять, я съ нимъ коротко сошелся и въ своемъ мѣстѣ буду говорить объ этой недюжинной личности.

Вдругъ получаемъ мы громовую вѣсть, что генералъ Сулима переведенъ въ Западную Сибирь, а въ Восточную назначенъ Броневскій. Турчаниновъ и Охапкинъ тотчасъ ускакали, предоставивъ мнѣ одному закончить дѣло. Первый спрашивалъ меня, не хочу-ли быть переведеннымъ въ Западную Сибирь, или въ гражданскую службу? И обѣщалъ попросить генерала. Я сдѣлалъ новую и важную ошибку, отказавшись отъ этого предложенія, по таковой впрочемъ законной причинѣ:

. . . . . .

Я уже говорилъ, что въ Сибири въ мое время ничего не значило съѣздить верстъ за 500 на именины, особенно тамъ гдѣ возили даромъ. Такъ и я, отправляясь въ Иркутскъ, сдѣлалъ порядочный крюкъ, заѣхавъ въ Петровскій заводъ. Здѣсь узники дали мнѣ пакетъ къ старшему Поджіо (Іосифу кажется), который изъ декабристовъ былъ сосланъ прямо на поселеніе, просидѣвъ однако-же лѣтъ семь или восемь въ крѣпости.

Онъ жилъ въ деревнѣ около Иркутска въ такой канурѣ, что когда я сидѣлъ у него, то у насъ, обоихъ длинноногихъ, онѣ были переплетены подъ столомъ. Какъ онъ обрадовался письмамъ и мнѣ, знакомому съ его братомъ и другими товарищами *примѣрнаго* несчастія, и говорилъ отъ души, что завидуетъ другимъ, которые хотя и въ каторжной работѣ, но въ обществѣ товарищей, а онъ провелъ всѣ эти почти десять лѣтъ въ совершенномъ одиночествѣ. Я далъ слово навѣстить его еще изъ Иркутска, что и исполнилъ.

Въ Иркутскѣ я познакомился съ нѣкоторыми учителями тамошней гимназіи: Ведерниковымъ, Бобановскимъ (послѣ директоръ), встрѣчалъ тогдашняго директора Сем. Сем. Щукина, извѣстнаго въ ученомъ мірѣ своими учеными трудами и брата литератора Ник. Сем. Щукина. Сошелся наконецъ съ пожилымъ уже учителемъ исторіи Ив. Мих. Палексенье-

вымъ, которому понравился какъ своею любознательностію, такъ и, можетъ быть, особенно тѣмъ, что разсказывая о монгольскомъ винѣ изъ молока, вызвался приготовить его для пробы. Ив. Мих. пригласилъ меня къ себѣ, съ тѣмъ чтобы принесъ и напитокъ. Вина этого конечно надлежащимъ способомъ приготовить я не могъ, но сдѣлалъ суррогатъ. У докторши была корова, слѣдовательно и молоко, у доктора — даровое вино отъ откупа, а воды — полная Ангара. Я взялъ по равной части этихъ предметовъ, влилъ въ штофъ и сболталъ не предвидя, конечно, что буду теперь болтать объ этомъ.

— Извините, И. М. — сказалъ я — вышло не очень чистое, съ молочнымъ цвѣтомъ, въ другой разъ постараюсь.

Палексеньевъ цѣлый вечеръ пилъ и похваливалъ, и умная рѣчь его лилась потокомъ въ мою, жаждущую познаній, голову.

— Великолѣпнѣйшее вино! пожалуста приносите.

— Непремѣнно.

Такимъ образомъ разъ и два въ недѣлю я слушалъ моего перваго, и скажу съ глубокою благодарностію, лучшаго изъ всѣхъ учителей.

Съ Ив. Мих. приключился казусный случай въ гимназіи. Разъ на актѣ, на которомъ присутствовалъ генералъ Чевкинъ, путешествовавшій тогда по Сибири, Палексеньевъ приготовился излить все свое краснорѣчіе въ присутствіи знатнаго гостя, но къ несчастію выбралъ темою подвиги Наполеона I и такъ увлекся имъ, что въ половинѣ рѣчи его свели съ каѳедры и оригинально. Директоръ Щукинъ подошелъ сзади и дернулъ за фалду, — но какъ ораторъ не почувствовалъ этого, то Сем. Сем. потянулъ изо всѣхъ силъ... Надобно было знать чудака Щукина, чтобы постигнуть вполнѣ весь комизмъ этой сцены.

Приключеніе это, кажется, было причиной выхода въ отставку Палексеньева; впрочемъ пенсія была уже имъ выслужена.

На пути своемъ въ Россію, Ив. Мих. тоже предался разъ любимому своему краснорѣчію. Онъ встрѣтилъ партію бѣглыхъ, остановился и началъ проповѣдывать... Тѣ слушали. Умиленный этимъ вниманіемъ, путешественникъ вынулъ бумажникъ, гдѣ лежали всѣ прогоны, и вынувъ рублевку, сказалъ:

— Вотъ вамъ на харчи.

— За чѣмъ это баринъ.

— Ничего, возмите.

— Нѣтъ, мы ужъ лучше это возьмемъ.

И грабители вырвали весь бумажникъ.

Въ 1862 г., въ Казани я узналъ, что учитель мой живетъ въ 17 верстахъ, въ селѣ, при монастырѣ — Семіозерная пустынь; разумѣется, тотчасъ къ нему. Онъ мнѣ ужасно обрадовался; разсказамъ не было конца.

За тѣмъ, слѣдивши за своимъ старымъ учителемъ, я узналъ, какую своеобразную жизнь велъ онъ тутъ. Будучи 70 лѣтъ, при большой пенсіи, онъ не нуждался въ деньгахъ и ни за что не бралъ ихъ отъ крестьянъ за ученье дѣтей, чѣмъ занимался отъ бездѣлья, за писаніе бумагъ, когда нужно было, и за ссуду маленькими деньгами въ крайней нуждѣ, — но весьма нравилось ему такое возмездіе: мужичекъ, нуждаясь въ Ив. Мих., приготовлялъ у себя баню и звалъ его къ себѣ; конечно было и угощеніе послѣ окончанія дѣла и бани. Такимъ образомъ не рѣдко случалось, что Палексеньева въ одинъ и тотъ же день звали въ два и три дома и онъ не отказываясь дѣлалъ дѣло, парился въ банѣ и угощался.

Въ 1865 году передъ пасхой пошелъ онъ въ монастырскую баню, — маленькія, крестьянскія, должно полагать, уже неудовлетворяли его, — гдѣ и упалъ съ полка въ котелъ съ кипяткомъ, и хотя былъ вытащенъ живымъ, но вскорѣ умеръ.

Генералъ-губернаторъ Семенъ Богдановичъ Броневскій нисколько не прельстился моей грамотностію, уничтожилъ мѣсто смотрителя казенныхъ зданій и впичужилъ, какъ говоритъ народъ, меня во фронтъ. Учителемъ шагистики былъ адъютантъ его, баронъ Зильвергельмъ. Жутко было тутъ рабу Божію Симеону отъ такихъ причинъ: былъ я отъ природы лѣвша и часто въ разсѣянности отъ помышленій, нетерпимыхъ во фронтѣ, поворачивался по командѣ: *на право* — на лѣво и становился лицомъ къ лицу съ своимъ сосѣдомъ, которому баронъ велѣлъ разъ плюнуть мнѣ въ глаза...

— Ти, Шарпанъ, забудъ свою *стиху*, — кричалъ онъ — зная что я кропаю стишенки.

Разъ позволилъ я казаку отлучиться во время ученья по важной надобности; баронъ встрѣтилъ его, притащилъ въ казармы и велѣлъ подать палокъ.

Возраженій моихъ и казака не слушалъ и когда послѣдняго поставили подъ палки, я возмущенный несправедливостію наказанія, котораго былъ невольною причиною, — закрылъ казака отъ палокъ собой, ставъ у обнаженной его спины.

— Люби его, люби! кричалъ разъяренный баронъ, что на языкѣ его значило — лупи, но ничья рука не поднялась на эту лупку.

Образъ жизни моей былъ тогда таковъ, что только желѣзная натура могла выдерживать. Почти каждый день были

танцовальные вечера; весьма часто съ нихъ, въ 4 часа утра, отправлялся прямо на ученье и шагалъ до обѣда, передъ которымъ удавалось уснуть, если только никто не помѣшаетъ... Послѣ обѣда опять ученье, за тѣмъ танцы.

На опытѣ пришелъ я къ выводу, что сонъ нельзя мѣрить часами, а крѣпостію или слабостію его; ибо часъ крѣпкаго сна равняется нѣсколькимъ часамъ слабаго. Во время коротkаго, но крѣпкаго сна нѣтъ никакихъ сновидѣній и спишь, буквально по пословицѣ, какъ убитый.

Однажды вздумалъ я навѣстить Поджіо передъ праздникомъ, въ который ученья не было, но назначенъ парадъ. Я надѣялся явиться къ нему, но заболтавшись вечеромъ съ обрадованнымъ пустынникомъ, угощенный имъ черносливомъ, свареннымъ тутъ же въ водкѣ, и отваромъ его, проспалъ до 10 часовъ. У меня былъ лихой скакунъ, и онъ примчалъ меня какъ разъ въ пору.

Между тѣмъ баронъ, разнюхавъ, куда я уѣхалъ, доложилъ генералу и меня, раба Божія, не смотря на то, что явился во время, прямо съ парада на гауптвахту. Въ квартирѣ сдѣланъ обыскъ, нашли письма Завалишина и послѣ недѣльнаго заключенія отправили въ Забайкальскій полкъ, *за вольнодумство*, какъ было сказано въ бумагѣ.

Въ эту невзгоду, на 24 году отъ роду, появилась у меня сѣдина, должно полагать — мгновенно, отъ такого душевнаго потрясенія: богомольная и чадолюбивая мать моя пришла пѣшкомъ за 500 верстъ, чтобы поклониться святому Иннокентію, мощи котораго находятся въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ 3 верстахъ отъ Иркутска, — и обнять своего любимаго первенца. Она съ компаніей, неся икону, шла по городу. Встрѣтившійся генералъ (безъ сомнѣнія Броневскій) остановилъ ихъ и спросилъ: откуда и кто? Мать спросила его обо мнѣ.

— Онъ на гауптвахтѣ.

И старушка пришла прямо туда. Можете судить о душевныхъ потрясеніяхъ матери и сына отъ этой нечаянной встрѣчи.

— Что это, Семенъ, у тебя уже сѣдина?

Я взглянулъ въ зеркало и первый разъ увидѣлъ на головѣ клокъ сѣдыхъ волосъ. Впослѣдствіи, при частыхъ подобныхъ же потрясеніяхъ, онъ возросталъ и въ 40 лѣтъ покрылъ всю голову.

Въ высылкѣ меня изъ Иркутска за вольнодумство играло не малую роль и то обстоятельство, что я пользовался расположеніемъ одной дамы, за которой неудачно пріударялъ генералъ-губернаторъ. Впрочемъ надо отдать ему справедли-

вость, нѣсколько ранѣе передъ этимъ онъ дѣлалъ попытку удалить меня болѣе мягкимъ путемъ. Изъ Петровскаго завода была возвращаема въ Петербургъ извѣстная Наталья Романовна. Нуженъ былъ ей проважатый и генералъ назначилъ меня. Но этому положили припятсвіе «и дружба и любовь». Буду говорить о первой. Въ это время пріѣхалъ въ Иркутскъ, также упомянутый уже мною, приходскій учитель Крюковъ. Онъ приготовился выдержать экзаменъ на уѣзднаго учителя и просилъ испытанія. Но директоръ гимназіи Щукинъ отказалъ наотрѣзъ подъ тѣмъ предлогомъ, что не учившійся въ учебномъ заведеніи не можетъ быть допущенъ къ экзамену. Крюковъ очутился въ крайнемъ затрудненіи,—но я его выручилъ, предложивъ ѣхать вмѣсто себя въ Петербургъ, что устроилось притворной болѣзнію и свидѣтельствомъ доктора... Крюковъ явился прямо къ министру народнаго просвѣщенія, пожаловался на отказъ въ экзаменѣ, ему дали его въ Петербургѣ и онъ отлично выдержалъ, возвратился уѣзднымъ учителемъ, былъ имъ нѣсколько лѣтъ, потомъ перешелъ въ гражданскую на мѣсто чиновника порученій при губернаторѣ, работалъ за десятерыхъ, раскрылъ плутни крестника императора Николая Павловича тайши Дымбилова,—о чемъ разскажу послѣ,— и наконецъ, пристрастившись къ употребленію опіума, сначала сумашествовалъ, а потомъ и умеръ, впрочемъ полагаю лѣтъ 65-ти отъ роду.

1835—36 гг. провелъ я преимущественно въ охотничьихъ похожденіяхъ, о которыхъ, какъ уже сказано, данъ посильный отчетъ критикомъ того времени А. В. Дружининымъ (см. его сочиненія т. VI, стр. 794). Впрочемъ въ Кяхтѣ на танцовальныхъ вечерахъ былъ я, по крайней мѣрѣ, львенкомъ. Не лишены сибирскаго удальства поѣздки мои туда. Домъ нашъ отъ Кяхты въ 45 верстахъ. Отецъ, послѣ моего служебнаго афронта, взялъ меня немного въ ежевыя рукавицы и не позволялъ бездѣльныя отлучки изъ дому. Получивъ увѣдомленіе о предстоящемъ въ Кяхтѣ балѣ, я тихонько приготовлялъ лихую лошадь, и когда старикъ, часу въ девятомъ вечера, иногда и раньше, ложился спать, я «ногу въ стремя» и скакалъ «въ хвостъ и въ голову»; часовъ въ 11 я уже танцовалъ, а въ 7 утра былъ уже дома и приготовлялъ отцу чай, послѣ котораго, взявъ ружье, отправлялся въ лѣсъ, гдѣ разумѣется, ложился спать.

Нынѣ часто въ газетахъ хвастаютъ поѣздками верхомъ, но ничѣмъ подобнымъ еще никто не похвасталъ, такъ полагаю себѣ это позволительнымъ. Если же скачка моя покажется кому-либо невѣроятною, такъ привожу подобный же

фактъ. Когда ждали Сперанскаго въ Кяхту, то на первой станціи, Устькяхтѣ, за 22 версты, былъ поставленъ казакъ Кузнецовъ, который на своемъ соловкѣ, весьма извѣстномъ тогдашней таможенной стражѣ*), прискакалъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ Мих. Мих. въ полчаса. Я имѣлъ болѣе сильныя побужденія, чѣмъ одно исполненіе служебнаго долга, по чему и скакалъ еще быстрѣе, при томъ и дорога моя была ровнѣе.

Въ это время директоромъ таможни былъ Н. И. Голубевъ. Супруга его, Аграфена Дмитріевна, одна изъ прелестнѣйшихъ дамъ не только въ Кяхтѣ, но, пожалуй, и во всемъ мірѣ,—очень скучала по столицѣ и бесѣда съ молодымъ казакомъ нѣсколько развлекала ее. Однажды, когда гостила въ Кяхтѣ супруга Броневскаго, Ксенія Ивановна, мы такъ заболтались и захохотались въ ея присутствіи, что знатная гостья обидѣлась, и, увы, для меня закрылся путь на кяхтинскіе вечера.

Вскорѣ Броневскій былъ переведенъ въ Западную Сибирь, на мѣсто его прибылъ Рупертъ, я написалъ къ нему о своей несправедливой ссылкѣ, — и вскорѣ былъ снова переведенъ въ Иркутскій полкъ.

Въ этотъ разъ я привезъ въ Иркутскъ единственную сестру свою Анну, желая дать ей нѣкоторое образованіе. Сначала помѣстилъ ее въ пансіонъ Языковыхъ, несчастныхъ жертвъ сумасшедшаго отца, который дѣйствовалъ по словамъ писанія: «подобаетъ сѣятелю первому вкусити отъ плода своего». Но Прасковья Ефимовна вскорѣ вышла замужъ и пансіонъ закрылся. Потомъ помѣстилъ ее къ доктору Романовскому, жена котораго, рожденная Эрнстъ, занималась дѣтьми. Туда же поступила дочь Раевскаго, — но однажды В. Ѳ. пришелъ туда рано утромъ, докторъ съ женою были еще въ постели, дѣти сидѣли у самовара и пили чай,—а на самоварѣ, обвившись около его шеи, грѣлись докторскіе невыразимые . . . Раевскаго это крайне взбѣсило и дѣти были взяты. Сестру мою приняла къ себѣ Алек. Ив. Безносикова, къ которой написалъ я въ альбомъ искренніе стихи, ибо она вполнѣ этого заслуживала. Послѣднее время несчастной жизни своей, сестра жила и училась у княгини М. Н. Волконской, — и умерла почти скоропостижно, пріѣхавъ на мою свадьбу.

Въ этотъ же пріѣздъ мой въ Иркутскъ судьба была очень милостива,—если бы только я могъ предвидѣть это,—улыбнулась мнѣ устами племянницъ и наслѣдницъ ставшаго по-

*) Кузнецовъ былъ завзятый контрабандистъ. Въ одну ночь таможенная стража гналась за нимъ по пятамъ,—онъ направилъ соловка къ глубокому оврагу, черезъ который лихой конь легко перескочилъ, а стража вся очутилась въ оврагѣ.

томъ сибирскою знаменитостью — Ефима Андреевича Кузнецова. Казарма наша была рядомъ съ его домомъ и сады обоихъ домовъ, равно и гуляющіе въ этихъ садахъ, по ветхости заборовъ, сходились на задахъ... но молодой казакъ прозѣвалъ, иначе вотъ что выпало бы на его долю:

Е. А. былъ изъ первыхъ золотоискателей въ Сибири и въ то время, какъ другимъ улыбалось счастіе, его преслѣдовало примѣрное несчастіе,—но и онъ примѣрно преслѣдовалъ свою цѣль. Употребивъ все свое состояніе, нажитое откупомъ, онъ употребилъ много и чужаго, такъ что затруднялся въ кредитѣ, а деньги были очень нужны. Однажды обратился онъ къ отводчику площадей Занадворову, о которомъ упоминалъ уже я, познакомившись съ нимъ въ Петровскомъ заводѣ, — показалъ ему несомнѣнные знаки отысканнаго имъ золота и просилъ денегъ. Отводчику легко было удостовѣриться въ справедливости открытія, и онъ отдалъ всѣ свои деньги, — а первые отводчики имѣли ихъ... На это сравнительно маленькое средство, съ трудомъ и униженіемъ отысканное, дѣло Кузнецова развилось въ громаднѣйшіе размѣры и онъ сталъ въ рядъ первыхъ счастливцевъ золотопромышленности. Въ благодарность за одолженіе, онъ *одолжилъ* З—ва одною изъ своихъ племянницъ, другая выдана за камергера Булычева... Выраженіе мое *одолжилъ* оправдалось, ибо З., какъ увидимъ послѣ, былъ крайне несчастливъ бракомъ. Кромѣ того, онъ разошелся и съ Е. А., который однакоже уже сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу племянницъ. Недовольный мужьями ихъ и не желая измѣнять завѣщаніе, онъ рѣшилъ истратить наслѣдство при своей жизни, которой оставался уже кончикъ. Мотовство его, можно сказать, было безпримѣрное: довольно сказать, что на одно украшеніе церквей онъ внесъ епископу Нилу 250 т., построилъ нѣсколько публичныхъ зданій: институтъ, театръ и проч. Но еще лучше такой случай: у него былъ домашній докторъ Романовскій; разъ старику стало дурно, послали за докторомъ, оказалось, что генералъ-губернаторъ засадилъ его на гауптвахту, однакоже забѣжали къ нему и туда. Не имѣя возможности отлучиться изъ этого каменнаго мѣшка, хотя бы настало свѣтопреставленіе, — арестантъ написалъ записку другому молодому доктору и тотъ живо помогъ больному, который воображалъ, что онъ былъ на краю гроба, — и чудесно спасенъ. За это спасители получили: Романовскій 50 т. и молодой докторъ за одинъ только визитъ 25 т.*). За

*) См. «Русскій міръ», 1872 г. № 327.

всѣмъ тѣмъ наслѣдницамъ осталось по полумилліону каждой чистогану и по 20 т. годоваго дохода съ пріисковъ, находившихся въ особомъ управленіи, что вмѣстѣ давало по меньшей мѣрѣ по 40 т. годоваго дохода.

Съ такимъ доходомъ можно было жить и не въ Иркутскѣ, но Занадворовъ остался тамъ, принявъ мѣсто управляющаго чьимъ-то пріискомъ,—и попался подъ уголовный судъ, долго содержался подъ арестомъ и выбрался изъ Сибири весьма плачевно.... Эту исторію я однакоже разскажу послѣ подробно.

Теперь скажу къ слову, какъ въ то время наживались въ Сибири капиталы. Д—ръ Романовскій имѣлъ приданаго за женой и своихъ — трудовыхъ 25 т. и ввѣрилъ ихъ золотопромышленнику Николаю Мясникову, который вылетѣлъ въ трубу. Романовскій остался ни съ чѣмъ, какъ вдругъ получилъ отъ Кузнецова 50 т.

Не попавъ въ этотъ золотой водоворотъ, хотя «счастье было такъ близко», — я былъ опредѣленъ начальникомъ тункинскаго пограничнаго отдѣленія и поселился въ Тункѣ, извѣстной изъ статей г. Ровинскаго, напечатанныхъ въ «Древней и Новой Россіи» 1875 г., въ 180 в. отъ Иркутска.

Начну разсказъ о пребываніи моемъ тамъ съ анекдота. Однажды, бывъ въ Иркутскѣ, — куда я также скакалъ на балы, какъ изъ Кудары въ Кяхту,—танцовалъ я съ какою-то сентиментальною дамой мазурку. Она разсыпалась въ жалобахъ на Сибирскій холодъ, скуку и т. п., я поддакивалъ.

— Такъ значитъ, и Вамъ ненравится Сибирь?

— Да.

— Давно вы изъ Петербурга?

— Я не изъ самаго Петербурга.

— Отъ куда же?

— Изъ *Тунки*.

— *Ну, все же это не несносная Сибирь!*

Тункинская долина защищена отъ сѣвера великолѣпнѣйшими въ мірѣ скалами саянскаго хребта, и здѣсь уже частію пахнетъ югомъ. Если бы, подобно китайцамъ, провести по скаламъ этимъ великую стѣну, то былъ бы въ Тункѣ чистѣйшій югъ. Вотъ фактъ, поддерживающій мою мысль о цѣли китайской великой стѣны.

Увы, великолѣпная природа не облегчала тяжести одиночества, въ которомъ я очутился, и перенесъ его благодаря только своему религіозному настроенію, которое дало мнѣ возможность посѣщать храмы и молиться въ нихъ на удивленіе моихъ 15 т. подчиненныхъ, что, скажу смѣло, имѣло

на нихъ самое благотворное вліяніе.... Послѣ много разъ и теперь въ Чебоксарахъ я находилъ и нахожу единственную отраду жизни въ религіозномъ развлеченіи.

Однажды замѣтилъ я тамъ красивую, стройную и высокую женщину, хотя уже далеко не первой молодости, но бросавшуюся въ глаза изящными манерами.

— Кто такая? спросилъ я.

— Это *княгиня*.

— Какая княгиня?

— Жилъ тутъ князь Горчаковъ, вотъ домъ его, — такъ она, изъ здѣшнихъ казачекъ, *жила съ нимъ* (что на областномъ сибирскомъ языкѣ имѣетъ свое значеніе), ее и прозвали княгинею.

Объ этомъ князѣ Горчаковѣ потомъ разсказывалъ В. Ѳ. Раевскій слѣдующее: въ молодости онъ шлялся за границей и возвратился въ Россію во время царствованія императора Павла. Однажды на парадѣ государь, замѣтивъ передъ толпой ораторствующаго и размахивающаго руками господина, велѣлъ узнать, кто онъ такой и что разсказываетъ? Оказался кн. Горчаковъ, говорящій, что онъ объѣздивъ всю Европу, ничего подобнаго этому войску нигдѣ не видѣлъ, даже въ самой Пруссіи.

Государю понравилось это, онъ опредѣлилъ князя на службу и менѣе чѣмъ въ два года произвелъ изъ маіоровъ въ генералъ-лейтенанты. Будучи какимъ-то главнымъ коммиссаромъ, князь положилъ въ свой карманъ два милліона и отправился за границу, — но былъ настигнутъ, сосланъ въ Сибирь и поселенъ въ Тункѣ.

Другимъ поселенцомъ Тунки былъ графъ Толстой, кажется изъ декабристовъ, оставившій здѣсь тоже домъ, обращенный при мнѣ въ училище. Толстого я уже не засталъ, онъ былъ переведенъ на Кавказъ.

Засталъ здѣсь поселеннымъ декабриста Люблинскаго, котораго, по словамъ его, вся вина состояла въ томъ, что онъ переписалъ бумагу квартировавшаго въ деревнѣ ихъ офицера (Бестужева) и даже, будучи полякомъ, не понялъ хорошо содержанія ея, — но по слѣдствію она оказалась важною, вслѣдствіе чего онъ и пострадалъ.

Прежде всего занялся я нѣкоторымъ устройствомъ безобразно разбросанной Тунки. Перенесъ свой домъ въ центръ населенія (прежде онъ стоялъ на краю), построилъ возлѣ училище, учредилъ базаръ, выстроилъ лавки, выровнялъ по возможности улицы и проч. Затѣмъ сдѣлалъ слѣдующія открытія.

Однажды, явилась ко мнѣ депутація отъ бурятъ, составляющихъ большинство населенія, и объяснила, что есть тутъ горячій минеральный ключъ, но что все общество постоянно желало оставлять его въ неизвѣстности и просило о томъ каждаго вновь прибывшаго начальника, за что и приносило благодарность, каковую и мнѣ предложило... И такъ предмѣстники мои, не исключая и моего роднаго отца, который не на долго былъ сюда командированъ въ 1804 г.,— Щукина, отца извѣстныхъ ученаго и литератора, Василья Разгильдяева и друг., предпочли за презрѣнную мзду скрывать такой рѣдкій даръ природы на пользу человѣчества? Я никакъ не могъ принудить себя идти по слѣдамъ ихъ — и минеральный ключъ немедленно сталъ извѣстнымъ. Буряты попробовали предложить больше, полагая, что я вымогаю,—но я дѣйствовалъ искренно, по убѣжденію, и былъ за это, какъ увидите, награжденъ хотя не Анною на шею (которой не дали, хотя я и былъ представляемъ), но тѣмъ не менѣе *надеждою*...

Сначала присланъ былъ лаборантъ, для разложенія воды, и, должно полагать, нашелъ ее удовлетворительной, такъ-какъ вслѣдъ за нимъ прискакалъ инженеръ для возведенія зданій, въ дополненіе построенному уже мною домику, проведенія дорогъ, постройки мостовъ и т. д. Словомъ, цивилизація сдѣлала порядочное завоеваніе у пустыни, и года черезъ два иркутяне, и въ числѣ ихъ генералъ-губернаторъ съ семействомъ, начали ѣздить на воды за границу.... иркутскаго округа *).

Въ числѣ первыхъ посѣтителей водъ былъ выше упомянутый крестьянинъ Раевскій. Онъ построилъ тамъ особый домикъ и два лѣта пользовался водами. Въ эти два лѣта мы и сошлись довольно коротко; я бывалъ у него въ деревнѣ Олонкахъ; разъ хозяинъ, большой говорунъ, такъ много, хотя и хорошо, говорилъ, что гость его заснулъ.... Краснѣю до сихъ поръ отъ этого казуса, который не скрываю потому, что хочу сказать о другой силѣ, вѣрнѣе разгоняющей сонъ. Это карты, за которыя мы на другой вечеръ и усѣлись съ хозяиномъ; онъ проигралъ мнѣ платинку, сохранившуюся донынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить эту обаятельную прелесть въ сущности самой пустой и скучной забавы. Никакая бесѣда, никакая книга, словомъ — ничто не въ силахъ заставлять человѣка провести цѣлую ночь безъ сна, а за

*) Т. Ровинскій (Д. и Н. Рос. 1875 г. № 11, ст. 238) приписываетъ открытіе и устройство Тункинскихъ водъ архіепископу Нилу, что ошибочно, ибо строенія тутъ подарены архіепископу Рупертомъ при отъѣздѣ уже изъ Сибири,— и послѣ превращены въ монастырь (пустынь).

картами просиживаетъ онъ не одну ночь, а нѣсколько сряду; иной цѣлую жизнь играетъ!

О Раевскомъ доставилъ я въ редакцію «Русской Старины» пространную статью, въ которой фактами доказалъ, что онъ былъ сосланъ единственно за переводъ на русскій языкъ извѣстной пѣсни:

«Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ,
Конь былъ подъ нимъ игрень» и т. д.,

но статья не напечатана, стало быть, и здѣсь ей не мѣсто...

Въ годъ пріѣзда моего въ Тунку, звѣроловную по преимуществу мѣстность, былъ крайній недостатокъ свинцу, потому что иркутскій коммиссіонеръ Нерчинскихъ заводовъ Ив. Ив. Маллисонъ продалъ его весь купцамъ, а тѣ подняли цѣну такъ, что не было разсчета покупать. Я собралъ у себя весь свинецъ, какой былъ, и между прочимъ при звѣроловахъ снялъ съ стѣнныхъ часовъ гири, свинцовыя, обтянутыя листовой мѣдью, и шутя сказалъ: «Попробую изъ мѣди добыть свинецъ». Растопленныя гири дали его, къ удивленію зрителей. — Черезъ нѣкоторое время является ко мнѣ бурятъ и таинственно говоритъ, что-де ты *ноенъ* (господинъ) изъ мѣди добылъ свинецъ, а мы *тыныки* (дураки) не можемъ его растопить, хотя у насъ цѣлая гора свинцу.

— Какъ, гдѣ?

— Вотъ посмотри.

И онъ вынулъ нѣсколько кусковъ графита.

Вращаясь между горными, я тотчасъ узналъ этотъ минералъ. Немедленно съѣздилъ на мѣсто нахожденія этого богатства, послалъ образцы въ Иркутскъ, и наконецъ въ 1847 году свезъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ нашли графитъ этотъ превосходнаго качества, — но открытія моего въ казну не приняли, а предоставили мнѣ самому извлекать изъ него пользу, если пожелаю. Казнѣ предлагалъ я дѣлать изъ него тигли—плавильные для золота горшки, за которые платится англичанамъ по 800 т. въ годъ. Но министръ финансовъ Вронченко отвѣтилъ, что золотопромышленники возвращаютъ эту затрату. Тогда, какъ увидите далѣе, думалъ я объ иномъ, то и забылъ о графитѣ. Но вдругъ явился ко мнѣ еврей Алиберъ, знакомый по Сибири, предложилъ мнѣ за право на разработку графита 300 руб., — я и взялъ ихъ, потому что сидѣлъ на мели... Послѣ меня поддразнивали, что продалъ за 300 р. 7 милліоновъ (такъ высчитывали содержаніе копи), но потомъ я встрѣчалъ Алибера въ такихъ же «худыхъ душахъ», какъ и мы грѣшные. О графитѣ этомъ много

печаталось, между прочимъ мои статьи въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1856 г. № 172 и 1861 г. № 13.

По примѣру кяхтинскаго Орлова и иркутскаго — Виноградскаго, и я затѣялъ въ Тункѣ рукописную газету, которую и посылалъ въ Иркутскъ—столицу Сибири, и въ Урикъ—столичку декабристовъ, къ княгинѣ М. Н. Волконской. Но—

«Про жизнь пустынную какъ сладко не пиши,
А все соскучишься, какъ не съ кѣмъ молвить слова»

и я соскучился. Съ семействомъ генерала Руперта пріѣзжала на воды гувернантка при дѣтяхъ Надежда Ивановна. Мы познакомились, объяснились и женились 24 января 1843 года. Но, увы, почти наканунѣ брака похоронили мою любимую сестру.

Вотъ не лишенное нѣкотораго интереса семейное преданіе. Въ 1796 году, въ Гатчино, великая княгиня Марія Ѳедоровна, супруга Павла Петровича, позвала къ себѣ придворнаго обойнаго мастера Николая Емельянова и, показывая ему то, что надобно было сдѣлать, встала для этого сама на табуретъ; но, потерявъ равновѣсіе, готова была упасть, какъ Емельяновъ своею находчивостью предупредилъ это несчастіе, тѣмъ болѣе важное, что в. к. имѣла тогда въ утробѣ своей будущаго «незабвеннаго» императора.... Марія Ѳедоровна узнавъ, что у Емельянова три маленькія дочери, помѣстила ихъ въ высшее учебное заведеніе, гдѣ онѣ кончили ученье и, вышедъ уже по смерти родителей, жили въ Петербургѣ своими трудами. Случилось, что въ одномъ домѣ съ ними жилъ полковникъ генеральнаго штаба Василій Ивановичъ Дуверовъ. Онъ занимался литературою и между прочимъ перевелъ съ французскаго «Письма о миѳологіи» (автора не помню) издалъ ихъ на свой счетъ въ 1829 году и послалъ экземпляръ въ подарокъ Ѳ. В. Булгарину. Тотъ раскаталъ его по своему обыкновенію, когда авторы или издатели присылали только свои изданія.... «Письма о миѳологіи», на которыя Дуверовъ затратилъ все, что имѣлъ, а можетъ, и задолжалъ, остались на рукахъ. Огорченный этимъ и пристыженный отзывомъ газеты, переводчикъ не выдержалъ и помѣшался въ разсудкѣ. Какъ у него не было никого родныхъ, то полиція рѣшила усадить его въ домъ умалишенныхъ,—но сосѣдка Марѳа Николаевна Емельянова уговорила оставить больнаго на ея попеченіи и такъ съумѣла обращаться съ нимъ, что болѣзнь приняла безопасный характеръ. Она же потомъ выхлопотала ему полную пенсію, и какъ получено было за нѣсколько лѣтъ разомъ, то это дало возможность пріобрѣсти домикъ въ Гатчино, гдѣ В. И. по-

чувствовалъ почти полное облегченіе и отблагодарилъ свою благодѣтельницу законнымъ бракомъ; но Надежда Ивановна родилась раньше, почему была отдана въ воспитательный домъ, училась въ николаевскимъ институтѣ и по просьбѣ Руперта о гувернанткѣ, сама императрица назначила ее, даже раньше выпускнаго экзамена.

В. И. Дуверовъ пережилъ свою благодѣтельницу и умеръ въ 1873 году въ страшномъ положеніи безпомощнаго одиночества, до котораго довелъ его своякъ Моисей Ив. Ивановъ. Громадная библіотека, замѣчательная картинная галлерея и домъ — все осталось за Ивановымъ; дочь даже не извѣстили о смерти отца, ибо-де незаконная, а мы-де законные наслѣдники, хотя дочь эта, будучи на хорошемъ мѣстѣ, посылала матери большую часть своего жалованья, на устройство дома.

Кромѣ склонности къ женитьбѣ я имѣлъ цѣль пріобрѣсти наставницу, какъ для сестры, такъ, сказать откровенно, и для себя. Первая не воспользовалась этимъ, но послѣдній съ благодарностію сознается, что многимъ обязанъ женѣ своей, особенно какъ бумагомаратель, учившійся на «мѣдныя деньги». Но возникли толки, что женился я изъ разсчета получить высшее мѣсто. Возмущенный этимъ, я подалъ въ отставку тѣмъ скорѣе, что представилось заняться золотопромышленностію.

Я уже и раньше пробовалъ ее, но вышло крайне комично: губернаторша Пятницкая и докторъ ея — Персинъ пригласили меня въ компанію, прислали по 500 р. Я вложилъ свои 500, а когда развились розыски, то долженъ былъ затратить еще нѣсколько разъ 500 своихъ, — но когда розыски не удались, то компаніоны ничего не выслали, отказавшись отъ компаніи.

Не могу не занести отвѣта отца моего на просьбу разрѣшить мнѣ оставить службу (въ наше время ничего не дѣлали безъ согласія родителей....). Надобно сказать, что я по своему мѣсту получалъ 400 р. въ годъ, а отецъ все служилъ на 6 р. «Ты—писалъ онъ—рехнулся; какъ, получая въ годъ болѣе, чѣмъ я получилъ во всю свою службу, ты выходишь въ отставку! Впрочемъ дѣлай, какъ знаешь, я тебя не стѣсняю». И точно, въ 45 лѣтъ своей службы онъ получилъ только 270 рублей!

Поступилъ я къ золотопромышленнику Никитѣ Ѳедоровичу Мясникову, съ содержаніемъ въ 1750 руб., для розысковъ золота въ Забайкальѣ, гдѣ только что были разрѣшены розыски. Хозяинъ постановилъ условіемъ, чтобы заявлять

только тѣ открытія, которыя даютъ не менѣе 10 зол. со ста пудовъ, почему розыски и не удались. Мнѣ надобно было таскаться по тайгамъ, мы и рѣшили, чтобы жена въ это время занялась въ Кяхтѣ обученіемъ дѣтей. Ей разрѣшили открыть пансіонъ и было въ министерскомъ отчетѣ сказано, что это *первый* въ Сибири частный пансіонъ, ибо бывшіе прежде, наприм., Языковыхъ, открывались безъ надлежащаго разрѣшенія.

Дѣла наши пошли весьма блестяще: золотоисканье, пансіонъ и еще одинъ источникъ, который назову и распространюсь о немъ въ другомъ мѣстѣ, — давали намъ знатныя средства жизни, и при томъ жизни превеселой, такъ какъ кяхтинскіе купцы, или точнѣе коммиссіонеры московскихъ купцовъ, каждый день праздновали чьи либо имянины, какъ членовъ своихъ семействъ, такъ и московскихъ хозяевъ. Но во мнѣ уже зародился червь славолюбія, который точилъ меня сравненіемъ моихъ доходовъ съ доходами Гоголя, Пушкина и иныхъ, получавшихъ по сту рублей за листъ и даже по 5 р. за строчку стиховъ... Какой-де пріискъ дастъ такой доходъ? Брось все и удирай въ Петербургъ.

И мы удрали туда въ 1847 году, прямо изъ Кяхты.

Вы видите, что здѣсь сдѣлалъ я только короткіе наброски послѣдняго пребыванія въ Сибири. Въ слѣдующей главѣ разскажу подробнѣе объ этомъ времени и о причинѣ сдѣланнаго мною послѣдняго широкаго скачка, и вообще не упущу ничего, если что вспомню общеинтереснаго. Теперь же закончу эту главу, какъ и первыя двѣ, воспоминаніями объ опасностяхъ жизни, которымъ подвергался въ этотъ періодъ времени.

Послѣ представлявшагося мнѣ заграничнаго способа смерти, о которомъ говорилъ уже въ предъидущей главѣ, представился мнѣ и родной, русскій способъ — замерзнуть, или по меньшей мѣрѣ, простудиться до полнаго права на неминуемую смерть. Ѣхалъ я по кругобайкальской дорогѣ уже едвали не въ десятый разъ; на мнѣ была тяжелая медвѣжья шуба и казакинъ. Какъ начался десятиверстный крутой подъемъ на извѣстную гору Хамаръ-Дабанъ, о которой поэтъ сказалъ въ «Енисейскомъ альманахѣ» г. Степанова, отца извѣстнаго карикатуриста, — тако:

«Хамаръ-Дабанъ гора высока,
Стоитъ на полдень отъ востока»,

я, наскучa сидѣть на медленно шагающей лошади, вздумалъ пройтись и имѣлъ глупость пустить своего росинанта впереди себя, въ полной увѣренности, что онъ остановится по первому

моему требованію. Но животное, сознавая, что безъ сѣдока гораздо легче, никакъ не хотѣла меня слушать, а по глубокому и рыхлому снѣгу его обогнать не было возможности. Разогрѣвшись и крайне уставши, я снялъ шубу и повѣсилъ на дерево въ надеждѣ, что ѣхавшіе сзади ямщики увидятъ ее и захватятъ (они, по моему обыкновенію уѣзжать всегда впередъ одному, далеко отстали). Такимъ образомъ сдѣлалъ я весь подъемъ, не чувствуя холода, но когда на вершинѣ горы прохватило меня рѣзкимъ вѣтромъ, я задрожалъ, такъ что зубы застучали; а лошадь подъ гору уже пошла рысью и поминай ее, какъ звали. До станціи было далеко и я рѣшился воротиться на встрѣчу ямщиковъ, безъ сомнѣнія, везшихъ мою шубу. Я бѣжалъ стремглавъ подъ гору, чтобы согрѣться и скорѣе надѣть шубу, — но добѣжавъ до мѣста, гдѣ оставилъ, я не нашелъ ее и ямщиковъ не встрѣтилъ. Станція, съ которой мы выѣхали, была ближе, я пустился на нее и вскорѣ встрѣтилъ ямщиковъ и свою шубу. Объяснилось дѣло тѣмъ, что ямщики, увидавъ мою шубу и испугавшись моего исчезновенія, сочли долгомъ воротиться и заявить объ этомъ. Спасибо, что староста, сообразивъ въ чемъ дѣло, тотчасъ прогналъ ихъ.

Мнѣ суждено было соприкасаться ко всѣмъ родамъ смерти. Вотъ былъ еще случай отлично утонуть. Ѣхали мы съ женой изъ Кяхты въ Иркутскъ зимою. Дорога по р. Селенгѣ гладкая, какъ нельзя лучше, и по способу сибирской ѣзды мчали пасъ такъ, что духъ захватывало. Разъ повозка, на всемъ скаку лошадей, опрокинулась, ямщикъ слѣтѣлъ съ козелъ, но не выпустя вожжей, тащился на нихъ, и какъ-то успѣвъ вскочить, поправилъ повозку и, привскочивъ на нее, успѣлъ задержать лошадей, что было въ самую пору, такъ какъ передъ нами зіяла огромная полынья, мы давно ее видѣли и гибель свою считали неизбѣжной. Отъ чего же опрокинулась повозка? Во время ночлега воришка снялъ веревки, державшія отводы въ равновѣсіи, а ямщики не замѣтили этого. И такъ, на веревкѣ можно повѣситься, а безъ веревки — утонуть.

Въ ту же поѣздку и такое же удовольствіе предстояло на Байкалѣ. Ледъ этого озера разрывается на щели, шириною въ сажень и болѣе. Мы ѣхали на разсвѣтѣ и сладко спали. Крикъ ямщика разбудилъ меня, Смотрю: тройка въ водѣ, а экипажъ остановился на самомъ краю щели. Я всегда имѣлъ при себѣ ножъ; выскочить и перерѣзать завертки было дѣломъ одного мгновенія, чѣмъ и предупреждено здернутіе экипажа въ воду. Лошадей вытащили, такъ какъ вода озера,

сжатая напоромъ льда, держитъ на своей поверхности всякую тяжесть, тогда какъ воды рѣкъ удергиваютъ ихъ подъ ледъ. Надобно было не знять этого закона, чтобы въ 1871 году опубликовать въ газетахъ, что въ Байкалѣ утонула повозка съ почтою и *денежною* корреспонденціей... Способъ вытаскиванія лошадей оригиналенъ: лишь толко затянутъ животному петлею шею, какъ оно, отъ спертаго внутри его воздуха, подымается на самую поверхность воды, точно пузырь, и стоитъ только за хвостъ вытащить на ледъ.

Чтобы покончить съ Байкаломъ, разскажу, что однажды переѣхалъ я черезъ него по самому послѣднему зимнему пути. Не говорю уже объ опасности и трудности этого путешествія, скажу только что когда достигли Посольскаго монастыря, пошли прямо въ церковь помолиться и, выйдя оттуда, разумѣется весьма скоро, — мы увидѣли что, озеро совершенно уже очистилось отъ льда! какихъ нибудь полчаса промедленія и насъ вмѣстѣ со льдомъ унесло бы въ таръ-тарары...

Совѣтую ѣздокамъ въ зимнихъ экипажахъ привязывать всю поклажу. Сколько людей задавлено своими же чемоданами! И я разъ едва не попалъ въ число ихъ. Ѣхалъ я и, по обыкновенію, крѣпко спалъ. Вижу во снѣ, что на меня напали разбойники и душатъ; я вступилъ въ борьбу, сдѣлавъ крайнее усиліе, сбросилъ съ себя великана, — и въ этотъ мигъ проснулся подъ своимъ чемоданомъ, такъ какъ повозка опрокинулась, а ямщикъ убѣжалъ за помощью. Не проснись отъ замѣчательнаго сна, не проснулся бы и до селѣ.

Подобныя сновидѣнія случались нерѣдко. Разъ на водахъ, проигравши цѣлую ночь въ карты съ Делясеромъ,*) и имѣя надобность быть въ Тункѣ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ туда. Дорогой былъ длинный подъемъ, лошадь пошла шагомъ, я заснулъ въ седлѣ, что случалось не рѣдко, и вижу, что мы продолжаемъ игру, ссоримся и французъ даетъ мнѣ такую пощечину, что сваливаюсь со стула. Проснулся, лежу на землѣ, — но паденіе было безвредно, ибо было подготовлено сновидѣніемъ.

Домъ нашъ въ Кударѣ стоялъ особнякомъ, собаки дѣлали набѣги на домашнихъ птицъ, почему у отца постоянно было наготовѣ заряженное ружье и онъ стрѣлялъ изъ окна. Однажды, когда я еще спалъ, отецъ, увидѣвъ собаку выстрѣ-

*) Делясеръ, учитель французскаго языка Иркутской гимназіи, старикъ застраховавшій свою жизнь въ пользу сына за 3 т. Когда онъ умеръ, страховое общество отнеслось къ д—ру Персику, увѣдомить о причинѣ смерти Делясера. Къ бумагѣ безъ всякихъ объясненій было приложено 300 р. Д—ръ увѣдомилъ, что старикъ объѣлся — и премія не выдали.

лилъ въ окно надъ самымъ моимъ ухомъ. Выстрѣлъ долженъ былъ испугать меня, но я передъ тѣмъ видѣлъ сонъ, что отецъ съ ружьемъ подползалъ къ озеру, гдѣ плавали утки, видѣлъ какъ онъ прицѣливался и наконецъ выстрѣлилъ, такъ что я былъ подготовленъ къ выстрѣлу и проснулся отъ него спокойно.

Отецъ однакоже не былъ спокоенъ и упрекалъ себя за разсѣянность. Упрекъ былъ справедливый, такъ какъ однажды разсѣянность эта едва было не лишила его и меня жизни. Приготовивъ нѣсколько фунтовъ пороху для отправки къ охотникамъ, въ холщевомъ мѣшкѣ, отецъ для *безопасности* отъ похищенія приготовился припечатать посылку сургучемъ. Уже зажегъ палочку сургуча, какъ я вошедши въ этотъ мигъ, схватилъ его за руку и закричалъ: что ты дѣлаешь!

Могъ ли я тогда предполагать, что когда либо буду поставленъ въ необходимость вознамѣриться рѣшительно зажечь спичку надъ мѣшкомъ съ порохомъ, уже развязаннымъ! А это случилось по такому стеченію обстоятельствъ. Въ сороковыхъ годахъ шла въ Кяхтѣ тайная торговля опіумомъ и было изъ-за чего хлопотать и подвергаться опасностямъ, такъ какъ при мѣновой торговлѣ этого зелья на чай, каждый рубль давалъ сто рублей барыша; при продажѣ на деньги — 25 р. на рубль. На такіе барыши можно было главнымъ торговцамъ нанимать бѣдняковъ подвергаться за нихъ опасности при провозѣ въ Кяхту запрещеннаго товара, за что пойманные подвергались по закону военному суду. *Случилось* и мнѣ по этому случаю поселиться въ Кяхтѣ, уѣзжать изъ нея и пріѣзжать въ нее довольно часто.... Въ одну изъ таковыхъ поѣздокъ, выѣзжая съ послѣдней къ Кяхтѣ станціи въ началѣ ночи, я строго наказалъ знакомому уже ямщику, что когда пріѣдетъ въ Троицкосавскъ разбудить меня, ибо мнѣ необходимо было тамъ *кое-что* оставить, чтобы уже потомъ въ особо приспособленномъ экипажѣ перевести въ Кяхту. Сонъ у меня и теперь богатырскія, а въ молодости былъ архибогатырскій. Однако же довольно чувствительные толчки разбудили меня и, — судите о моемъ пріятномъ удивленіи, — вижу: экипажъ мой на кяхтинской таможенной заставѣ, и суровый досмотрщикъ уже залѣзъ въ него съ фонаремъ.

— Что жъ ты, ямщикъ, не разбудилъ меня въ Троицкосавскѣ?

— Никакъ не могъ растолкать и повезъ сюда, знаю, что такъ надо....

Между тѣмъ досмотрщикъ дорылся до самой сути и спросилъ:

— Что это у васъ?

— Опіумъ — отвѣтилъ я — поставленный въ необходимость быть совершенно откровеннымъ.

— А мѣшекъ съ чѣмъ?

— Развяжи, такъ увидишь съ чѣмъ.

Онъ развязалъ.

— Да тутъ порохъ.

— Дѣйствительно такъ, любезнѣйшій, но вотъ въ одной рукѣ у меня радужная а въ другой — сѣрная спичка, которая можетъ мигомъ произвести радугу — выбирай любое.

Досмотрщикъ началъ было звать товарищей, но я зажалъ ему ротъ рукою радужною и шаркнулъ спичкой, которая загорѣлась надъ порохомъ... (Слыхалъ я, что это дѣлалъ извѣстный Лукинъ безъ всякой опасности).

— Давайте деньги и убирайтесь, — рѣшилъ аргусъ — и блестящаго окончанія моей жизни, на которое твердо рѣшился, не состоялось.

IV.

Экзаменъ на учителя русскаго языка. — Поѣздка по Сибири, — Завалишинъ — Братья Крюковы — Тайша Дымбиковъ. — Урядникъ Назимовъ. — Ссыльный полякъ Савичевскій. — Архіепископъ Нилъ. — Н. С. Щукинъ. — В. П. Печаткинъ. — Неудачи. — Рѣшеніе ѣхать въ Петербургъ. — Пѣтуховъ. — Игумновъ. — Баснинъ. — Носковъ. — Анекдотъ о декабристѣ Якубовичѣ.

На условіи, данномъ хозяиномъ, какъ было сказано, заявлять пріиски, только дающіе 10 золотн. со ста пудовъ «песковъ», — я не могъ сдѣлать ни одного заявленія, хотя и были кой-какія открытія. Наскучa кочевой и безобразной жизнію таежника и прельщенный Кяхтою, я бросилъ золотое дѣло, поѣхалъ въ Иркутскъ, сдалъ экзаменъ на учителя русскаго языка и поступилъ учителемъ въ пансіонъ жены своей. При экзаменѣ этомъ вышелъ такой казусъ: неувѣренный въ своихъ познаніяхъ, я прибѣгъ къ извѣстному универсальному средству и послалъ секретарю директора гимназіи Я. 5 ф. чаю. Встрѣтясь вскорѣ со мной въ обществѣ, Я. сдѣлалъ мнѣ выговоръ за эту присылку. Я сконфузился отъ такой нечаянной встрѣчи благородства, — но одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ Я., что дѣло это весьма обыкновенное и выговаривать не слѣдуетъ, можно было не принять подарка и только.

— Помилуй, — отвѣтилъ Я., — онъ прислалъ мнѣ такой чай, что и кухарка моя не пьетъ его.

— Аа! — протянули всѣ.

Между тѣмъ, чай былъ лучшій; — мнѣ-ли было не достать таковаго въ Кяхтѣ? — но цвѣточный, не дающій того чернаго, какъ деготь, настоя, къ которому привыкли мелкіе чаепійцы, къ числу коихъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ и г. Я.

Подобая ошибка повторилась и въ Петербургѣ. Я также подарилъ ящикъ лучшаго чаю нѣмцу Б., бывшему учителю жены моей. Б. позвалъ гостей пробовать чай и, конечно, заложили его съ нѣмецкой экономіей и аккуратностью, не приложили, какъ бы слѣдовало, полъ-ложечки чернаго чая, и — разнесся по комнатѣ чайный ароматъ, — но изъ чайника пошелъ такой чай, что «Кронштадтъ видно было», т. е., по народному выраженію жидкоплясъ... Б. злился на меня, пока не объяснено было, въ чемъ суть.

Поѣздки мои, по сказанной уже причинѣ, однако же, не прекращались и путь, большею частію, направлялся черезъ Петровскій заводъ. Тамъ жилъ уже на свободѣ другъ мой, какъ онъ самъ давно называлъ меня, Ипполитъ Иринарховичъ Завалишинъ (младшій) и бесѣда съ нимъ была для меня назидательна.

Словомъ, скажу откровенно и кстати, заводъ этотъ былъ для меня академіей. Завалишинъ женился на дочери заводскаго рабочаго, простой, но хорошей дѣвицѣ. Правда, что другъ этотъ въ послѣдствіи стяжалъ самую жалкую извѣстность, по милости враждебнаго ему брата и товарища несчастія, Колесникова, записки котораго были напечатаны въ журналѣ «Заря», кажется въ 1869 году; но о первомъ умолчу, а о второмъ скажу, что перомъ его, очевидно, водила злоба и мщеніе, а главное, желаніе выставить себя жертвою. За Завалишина же (младшаго) говорятъ его литературные труды: «Описаніе западной Сибири», «Эпопея тысячелѣтія Россіи» и друг., — и краснорѣчиво говорятъ эти теплыя и благородныя строки, написанныя ко мнѣ въ 1833 году:

. . . . . .

«Иди стезей добра! Стезею просвѣщенья!
Широкъ и свѣжъ, и чистъ, и мощенъ этотъ путь;
Кто чувствуетъ въ душѣ небесныя внушенья,
Тотъ долженъ въ мѣрѣ силъ на поприще шагнуть.
И будетъ передъ нимъ, какъ съ дремлющаго лона
Небесъ, сниматься мракъ ночи предъ зарей
Сниматься мракъ съ души. И темная препона
Незнанья рушится предъ свѣтлою душой!
О! жизнь глухая степь. Кто хочетъ оживленья
Пустыни сумрачной, тотъ долженъ трудъ поднять,
И трудъ лишь выведетъ въ край чудный просвѣщенья,
Гдѣ будетъ все заря безсмѣнная сіять!
Иди! Да будетъ миръ надъ юною душой,

Душою свѣжею и чистой. Да съ тобой
Сроднится Божій даръ! Да ясною стезей —
Добра и пользы, ты означишь путь земной.

Завалишинъ твердо борется съ своею участью до сихъ поръ безъ всякой помощи, только на 300 р. пенсіи, получаемой по завѣщанію матери отъ наслѣдниковъ ея имѣнія — Толстыхъ, — а кто изъ нихъ выдержалъ такую борьбу?

Напомню тоже краснорѣчивый фактъ, выставляющій всѣхъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Сначала декабристы были сосланы въ Нерчинскій заводъ, и прямой надзоръ надъ ними имѣлъ горный начальникъ Бурнашевъ. Онъ, какъ твердый исполнитель служебнаго долга, не могъ миндальничать съ ними, и особенно съ дамами, подобно своему преемнику..! И что же? никто не могъ, или не захотѣлъ уважить такой благородной черты старика, и онъ, оклеветанный разными путями, потерпѣлъ по службѣ и выставленъ смѣшнымъ, — дескать, хотѣлъ выслужиться, но ошибся. Ихъ перевели въ Читу и назначили особаго коменданта. Причиною перевода изъ Читы въ Петровскій заводъ, какъ отдаленное мѣсто отъ нерчинскихъ заводовъ, было какое-то покушеніе на возмущеніе, кончившееся неудачею и оригинальнымъ самоубійствомъ одного изъ нихъ... фамилію его забылъ.

Еще крайне грустный фактъ по той-же исторіи. Два брата Крюковы были выпущены на поселеніе и въ одну деревню, на томъ основаніи, что одинъ изъ нихъ былъ душевно боленъ, и попеченія о немъ здороваго брата были необходимы. Послѣдній, отъ скуки и желанія добра мужикамъ, началъ давать имъ разные совѣты, писалъ просьбы и. т. п., что, конечно, не понравилось мѣстной власти. По наущенію исправника, сельскій староста донесъ, что больной опасенъ, раздражается, какъ бы де не надѣлалъ чего вреднаго. По этому донесенію присылается конвой и, по ошибкѣ, беретъ и увозитъ, вмѣсто больнаго, здороваго брата, котораго и засадили въ городѣ Верхнеудинскѣ въ домъ умалишеныхъ. Недоразумѣніе это, какъ я послѣ слышалъ, несмотря на всѣ протесты заключенаго, разъяснилось чуть ли не черезъ 15 лѣтъ!

Изъ завода путь мой въ тайгу шелъ черезъ кочевье хоринскаго тайши (родоначальника). На личности этой стоитъ остановиться. Николай Николаевичъ Дымбиловъ учился у англійскихъ миссіонеровъ, которыхъ, помнится, семь жило въ разныхъ мѣстахъ Забайкалья до 1845 года, когда по представленію епископа Нила о вредѣ ихъ ученія, они высланы. Дымбиловъ, простой бурятъ, выучился кое-чему, возмужалъ и отправился въ Петербургъ, гдѣ изъявилъ желаніе креститься.

Императоръ Николай Павловичъ и в. к. Ольга Николаевна были воспріемники. Дымбиловъ произведенъ въ есаулы, одѣтъ въ казачій мундиръ и назначенъ тайшей, вопреки обычной у азіятцевъ наслѣдственности. Дымбилову хотѣлось жениться на русской, но при томъ знатной, хотя въ Сибири, не смотря на то, что была у него уже прехорошенькая жена бурятка, готовая креститься для того, чтобы остаться его женою, но онъ недопускалъ этого. Буряточка эта жила въ юртѣ, около русскаго дома, занимаемаго тайшей; побуждаемый этимъ желаніемъ, Дымбиловъ страшно моталъ деньги на подарки и т. п. Черезъ нѣсколько лѣтъ, сгорѣла хоринская дума, присутственное мѣсто тайши и съ ней 5 т. собранныхъ податей. Враждебная сторона тайшѣ, именно лишенный имъ, чрезъ крещеніе, тайшинства прямой наслѣдникъ, донесъ о поджогѣ съ цѣлію скрыть промотаніе податей.

Началось слѣдствіе, переходившее черезъ многія руки, которыя конечно, нагрѣвались, и наконецъ поступившее къ чиновнику порученій, Крюкову (бывшему учителю, о коемъ я говорилъ уже), и онъ довелъ Дымбилова до полнаго сознанія, въ силу котораго, по высочайшей конфирмаціи, Дымбиловъ лишенъ всѣхъ правъ и сосланъ на 20 лѣтъ въ каторгу.

Другой подобный случай былъ слѣдующій: однажды на дворцовой площади въ Петербургѣ появился человѣкъ въ дахѣ, унтахъ и малахаѣ (сибирская одежда: козья шуба, шерстью наружу, кожаныя сапоги, въ видѣ чулковъ, шапка особаго покроя) и зѣвалъ на него. Государь Николай Павловичъ замѣтилъ его и приказалъ узнать: кто? Оказался урядникъ забайкальскаго полка, Назимовъ, пришедшій нарочно изъ Сибири пѣшкомъ, чтобы видѣть великаго царя.

Его позвали во дворецъ, разспросили, представили императрицѣ, которая допустила его къ своей рукѣ... Назимовъ сказалъ, что дорогою былъ ограбленъ и только спасъ кусокъ своего паспорта. Ему выдали новый паспортъ. Назимовъ заявилъ желаніе построить на родинѣ храмъ во имя св. Николая. Ему дали иконы и разныя принадлежности, также деньги и книжку для сбора пожертвованій. Помнится, была какая-то драма, или опера, по поводу явленія этого сибиряка. Словомъ, Назимовъ былъ героемъ дня. Возвратился онъ на родину, собравши, конечно, порядочныя деньги, — объявилъ, что на него напали грабители, ранили его пулею изъ ружья и все обобрали. Дѣйствительно, оказалась рана на животѣ пулею на вылетъ спереди, но обѣ раны были въ такомъ разстояніи одна отъ другой, что пуля должна была пройти черезъ кишки, что повлекло-бы неминуемую смерть, а между тѣмъ Назимовъ

былъ живъ и здоровъ. Началось слѣдствіе и Назимовъ былъ доведенъ до сознанія, что онъ, промотавъ все, придумалъ грабителей и, чтобы придать вѣроятіе этому вымыслу, оттянулъ на животѣ кожу и прострѣлилъ ее... Назимовъ, разумѣется, послѣдовалъ за Дымбиловымъ.

Теперь скажу о ссыльномъ полякѣ Конст. Осип. Савичевскомъ. Молодой и красивый мужчина, онъ болтался между кяхтинскими купчихами. Однажды сгорѣлъ купеческій домъ отъ такой причины: подъ лѣстницей въ верхній этажъ стоялъ столъ и на немъ постоянно горѣла свѣча, такъ какъ часто приходящіе китайцы безпрестанно курили табакъ. Послѣ обѣда вся прислуга ушла въ кухню обѣдать, парадныя двери заложены (кѣмъ, не открыто), но показано это приходившими китайцами; свѣча, какъ должно было навѣрное полагать, подвинута близко къ лѣстницѣ (тоже неизвѣстно, кѣмъ); Савичевскій во второмъ этажѣ бесѣдовалъ съ хозяйкою, мужа не было дома; двое дѣтей однѣ играли тамъ же, въ своей комнатѣ... Вдругъ, домъ загорѣлся; купчиха, схвативъ дѣтей, бросилась съ ними внизъ, но лѣстница уже прогорѣла на столько, что не выдержала, и мать съ дѣтьми провалились въ пламя и сгорѣли (удивительно, какъ несчастная не воротилась отъ пылавшей лѣстницы?) Савичевскій благополучно спасся черезъ балконъ и крышу. Съ домомъ сгорѣло на 50 т. серій, бывшихъ на рукахъ хозяйки.

Вскорѣ, Савичевскій, воспользовавшись открытіемъ декабристами способа лущенія кедровыхъ орѣховъ посредствомъ жернововъ, о чемъ я уже говорилъ, — устроилъ первый и большой заводъ для добычи кедроваго масла, которое лучше прованскаго и портилось только при грубомъ прежнемъ способѣ добычи его, именно лущенія орѣховъ зубами, при чемъ ядро смѣшивалось съ слюной. Савичевскій устранилъ недостатокъ этотъ, — и кедровое масло пошло въ ходъ, обходясь ему, съ доставкой въ Москву по 6 р. пудъ, или 15 к. фунтъ. Въ 1861 г. онъ поѣхалъ въ Польшу жениться и непремѣнно хотѣлъ воротиться на свой выгодный заводъ.

Это, между прочимъ, доказывалось и тѣмъ, что онъ, проѣзжая черезъ Екатеринбургъ, условился съ моимъ братомъ, Петромъ, чтобы тотъ закупилъ заводскихъ вещей, поѣхалъ къ нему на заводъ смотрителемъ и дождался его тамъ. Деньги на закупки, проѣздъ и жалованье впередъ были выданы щедро. Братъ мой, однако же, долго и напрасно ждалъ. Следя за сбытіями того времени въ Польшѣ, я прочелъ въ газетахъ, что Савичевскій съ повстанцами былъ повѣшенъ.

И такъ, истина, что *преступленія не остаются безъ на-*

казаній, подтвердилась еще разъ. Повторился также еще разъ и тотъ грустный родной нашъ фактъ, что мы не способны къ предпріимчивости даже по проложенной дорогѣ, ибо заводъ Савичевскаго исчезъ вмѣстѣ съ нимъ, хотя 12-ти лѣтняя привилегія, данная ему, кончилась въ 1862 году.

Другой полякъ, Соболевскій, поступилъ также. Въ Петербургѣ, черезъ мое посредство, онъ поступилъ на службу въ пароходную компанію Соважа и Миронова и потомъ получилъ выгодное мѣсто управляющаго пристанью въ Елабугѣ. Зимой 1861 г., онъ ѣздилъ на родину, воротился и говорилъ мнѣ, что очень радъ, что выбрался, такая тамъ кутерьма. Но вскорѣ я слышу: Соболевскій все распродалъ въ Елабугѣ и удралъ въ Польшу. Читаю газеты — повѣшенъ!

Можно-ли безъ рока, или безъ побужденія тайной силы, становиться добровольно въ такія дураки?

Въ своемъ мѣстѣ я пропустилъ упомянуть о посѣщеніи въ мое время Тункинскихъ минеральныхъ водъ архіепископомъ Ниломъ, литераторомъ Н. С. Щукинымъ и друг. Пополняю этотъ пропускъ.

Архіепископъ Нилъ пріѣзжалъ на воды въ 1842 г., когда тамъ все уже было устроено генераломъ Рупертомъ черезъ меня и адъютанта его, г. Безносикова*). Впослѣдствіи, строеніе на водахъ, послѣ неудавшейся попытки продать оное, подарено Рупертомъ пр. Нилу, который и обратилъ его въ пустынь...

Просвещенный въ Тункѣ останавливался у меня.

Онъ обладалъ всевозможными свѣдѣніями, былъ краснорѣчивъ и, вообще, любилъ поговорить. Однажды, на дачѣ Руперта былъ назначенъ танцовальный вечеръ, а архіерей въ тотъ же день приглашенъ былъ на чай въ предположеніи, что онъ уѣдетъ рано и не помѣшаетъ танцамъ. Онъ пріѣхалъ въ 6 часовъ и такъ разговорился, что еще и въ 11 ч. говорилъ; танцы, разумѣется, при немъ не состоялись, но мы, молодежь, ни мало не сожалѣли объ этомъ, ибо слушали съ наслажденіемъ.

Онъ скончался въ Ярославлѣ, въ 1874 г., на 75 г. отъ роду.

Другимъ замѣчательнымъ посѣтителемъ меня въ Тункѣ былъ литераторъ Ник. Сем. Щукинъ. Тунка была его родиной, гдѣ отецъ его нѣкогда начальствовалъ и оставилъ по себѣ памятникъ *обо* — каменную насыпь. Однажды, собравъ подчиненныхъ на гору, по дѣлу или безъ дѣла — не знаю, онъ

*) Разсказъ г. Ровинскаго объ устройствѣ водъ («Древ. и Нов. Россія» 1875, № 11, стр. 238) не совсѣмъ вѣренъ. Находясь на мѣстѣ, ему слѣдовало бы точнѣе узнать, кто именно открылъ и устроилъ эти воды.

положилъ камень въ основаніе обо и велѣлъ наложить камней другимъ: вышла большая каменная насыпь, которая еще при мнѣ носила, да вѣроятно и доселѣ носитъ названіе «Щукинъ-обо». Подобно этому, остался тамъ и другой памятникъ. Рѣчка Тунка въ одномъ мѣстѣ имѣетъ крутой и двойной поворотъ, такъ что зимой по льду дѣлалась лишняя добрая верста съ тяжелыми возами, а легкіе переѣзжали крутой узкій перешеекъ; я велѣлъ прорыть тутъ каналикъ, который и получилъ названіе «Черепанъ-дира».

Н. С. не жаловалъ, кажется, того обстоятельства, что онъ родомъ сибирякъ, и отзывался вообще неблагосклонно и о Сибири, и о сибирякахъ. Появленіе въ печати статей моихъ подняло всю его желчь, и онъ употребилъ всѣ средства повредить мнѣ на этомъ поприще, въ чемъ много и успѣлъ. Но объ этомъ замѣчательныя подробности въ своемъ мѣстѣ.

Не такъ поступилъ третій гость Тунки, Вячеславъ Петровичъ Печаткинъ, впослѣдствіи книгопродавецъ и издатель. Онъ неудачно искалъ золота въ Сибири, заѣхалъ въ Тунку и былъ встрѣченъ мною радушно, какъ вслѣдствіе симпатичности его, такъ и по томившей меня скукѣ одиночества; можетъ быть, что я, по своему тогдашнему положенію, и оказалъ ему какія нибудь мелкія услуги, не помню. Какъ бы то ни было, только въ 1853 г. имъ, тогда издателемъ журнала «Библіотека для Чтенія», статьи мои были приняты безъ всякаго ломанья, какъ это дѣлаютъ другія издатели; онъ выдалъ мнѣ на выѣздъ тотчасъ же 100 р., платилъ аккуратно и, кажется, даже нѣсколько переплатилъ, вслѣдствіе остановки печатанія статей моихъ, по причинѣ перемѣнъ редакторовъ. Словомъ, будь я семи пядей во лбу, безъ этого знакомства едва ли попалъ бы въ литераторы...

Наконецъ, о Тункѣ скажу, что сюжетъ разсказа моего «Неотысканное богатство», напечатаннаго въ Б. для Ч. 1857 г. апрѣль, взятъ изъ дѣйствительнаго здѣшняго событія и въ немъ выставлены настоящія имена дѣйствующихъ лицъ.

Щукинъ смѣялся надъ моими перестройками Тунки и зло называлъ меня здѣшнимъ Петромъ. Долженъ признаться, что онъ былъ правъ. Сверхъ стремленія къ благоустройству, я увлекся хотя высокимъ сыновнымъ чувствомъ, но безспорно надѣлалъ глупости. Нѣкогда мать моя страдала, живя въ той части селенія, которую я рѣшилъ уничтожить къ ея пріѣзду ко мнѣ, чтобы не было для нея непріятнаго напоминанія. Подъ побужденіемъ этого чувства, я такъ красно представилъ необходимость уничтоженія этого, что мнѣ его разрѣшили. Я началъ съ церкви — и казаки взбунтовались...

Краснѣю до сихъ поръ отъ этого нарушенія служебнаго долга и приписываю это тому, что я тогда не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго понятія, но за то случай этотъ далъ мнѣ толчекъ къ размышленію о долгѣ.

Запишу здѣсь легенду, разсказанную архіепископу Нилу однимъ старымъ казакомъ, когда владыко осматривалъ эту церковь. «Монголы разъ напали на насъ, обложили вокругъ крѣпость. Дѣло было зимою, жутко приходило намъ, хотѣли сдаться. Только разъ, ночью, часовые казаки увидали, что св. Николай чудотворецъ (церковь во имя его: икона была найдена въ Монголіи въ озерѣ Косоголѣ и превосходно сохранилась) вышелъ изъ церкви и свистнулъ. Вдругъ, откуда ни возмись, подбѣжалъ къ нему заяцъ. Онъ сѣлъ на него верхомъ и обскакалъ вокругъ крѣпости, потомъ вошелъ снова въ церковь. По утру, по показанію часовыхъ, видѣли не только слѣды зайца, обѣжавшаго крѣпость, но и слѣды бороды сѣдока, которая касалась снѣгу». Безъ сомнѣнія, въ запискахъ пр. Нила находится этотъ разсказъ, такъ какъ онъ крайне заинтересовалъ тогда владыку.

Перехожу въ Кяхту. Надобно сказать правду, что пока генералъ-губернаторъ былъ расположенъ къ намъ, то дѣла пансіона нашего шли отлично, 6 т. выплачивались аккуратно. Но лишь мы потеряли это расположеніе, (вслѣдствіе свѣдѣній о нѣкоторыхъ безпорядкахъ, сообщенныхъ мною пріѣзжавшему для ревизіи сенатору Т.), что не было тайной, — то купцы сдѣлали такой фокусъ: у нихъ былъ неоплатимый должникъ въ ихъ общую кассу, которая, не знаю почему, называлась *аксиденціей*, купецъ Наквасинъ, — они и выбрали его попечителемъ пансіона съ тѣмъ, чтобы онъ и платилъ намъ условленную сумму. Конечно, это можно было уладить иначе, если бы меня не подтачивалъ червь, о которомъ я уже говорилъ.

Нерасположеніе генералъ-губернатора имѣло для меня, кромѣ того, и другія послѣдствія: я принялъ мѣсто виннаго пристава въ Кяхтѣ, разсчитавъ, что это нисколько не помѣшаетъ моему занятію въ пансіонѣ. Меня привели къ присягѣ, выдали прогоны, и я прибылъ въ Кяхту приставомъ. Но когда вѣдомость объ опредѣленныхъ дошла до высшаго начальства, то я былъ вычеркнутъ, — и раба Божія свели съ пьедестала, т. е. съ винной бочки. Надобно было или оставаться въ Кяхтѣ, или ѣхать въ Питеръ. Но какъ предпочесть ничтожный городишко — столицѣ! Поѣхали.

Я и братъ мой были женаты, но у меня не было дѣтей, а у него было ихъ полдюжины. Въ силу этого обстоятельства

я предоставилъ ему, за попеченіе о матери, все наше хозяйственное заведеніе въ Кударинской крѣпости, — но и тутъ судьба надо мной подшутила: на 8 году брака нашего роди лось вдругъ два сына, потомъ было еще трое дѣтей, но переѣзды мои выдержала только одна дочь. Одинъ сынъ младенцемъ погибъ такимъ образомъ: нянька принесла его въ церковь и крѣпко спавшаго поднесла къ причастью. Діаконъ, страшенной наружности, взялъ сонное дитя за носикъ и потрясъ безъ всякой осторожности; тотъ проснулся и, увидавъ передъ собой страшилище, испугался и впалъ въ «родимецъ», отъ котораго, послѣ трехмѣсячныхъ безпрерывныхъ и ужасныхъ конвульсій, скончался. Другой сынъ, полутора лѣтъ, при переѣздѣ по николаевской желѣзной дорогѣ, спалъ въ вагонѣ 3 кл.; проходившій пьяный мужикъ пошатнулся и оперся рукой о голову ребенка, который послѣ этого вскорѣ умеръ.

Разставаясь навсегда съ Кяхтой, родиной, любимой и любящей матерью, прошу позволенія помянуть нѣкоторыхъ дорогихъ для моей памяти лицъ. Съ матери и начну. Она вскорѣ, по приглашенію архіепископа Нила, знавшаго ея набожность, приняла монашество съ именемъ Маріамны, и сдѣлана игуменьею Иркутскаго женскаго монастыря, вопреки неизмѣнному прежнему порядку выбирать игумень изъ домовъ знатныхъ иркутскихъ купцовъ: Баснинныхъ, Трапезниковыхъ и проч. Она скончалась въ 1854 году. Увѣренъ, что она вознаграждена по заслугамъ!

Пограничнымъ начальникомъ въ Кяхтѣ былъ Петръ Андреевичъ Пѣтуховъ. Оригинальность его заслуживаетъ отмѣтки. Онъ былъ полный мизантропъ, жилъ одинъ въ большомъ домѣ, семья—во флигелѣ, принималъ только являвшихся по службѣ и тотчасъ отпускалъ, ибо у него не было свободнаго времени, если судить по всегдашней его торопливости. Кяхта—послѣдній пунктъ для странствующихъ ярмарочныхъ торговцевъ, отсюда уже некуда вести остатки—и Пѣтуховъ скупалъ ихъ, дешево, конечно, въ увѣренности, что современемъ продастъ выгодно, но этого ему не удавалось: громадныя кладовыя были наполнены этимъ гніющимъ товаромъ. Кромѣ того, въ виду истребленія лѣсовъ, онъ накупилъ груды бревенъ, дескать, въ тридорога продамъ,—но 1846 году пожаръ, истребившій почти весь Троицкосавскъ, истребилъ и всѣ эти запасы. Пѣтуховъ умеръ въ глубокой старости, и полагаю, что у него должны быть записки, такъ какъ помню, что ходили по рукамъ какіе-то его литературные труды.

Изъ всѣхъ кяхтинскихъ купцовъ выдавался рельефнѣе Николай Матвѣевичъ Игумновъ. Онъ провелъ для провоза

товаровъ гужемъ новую кругобайкальскую дорогу, получившую названіе игумновской. Извѣстный о. Іоакинфъ на подаренной ему книгѣ надписалъ:

«Доброму и умному
Николаю Игумнову».

Однажды, загорѣлся домъ его. Народъ по обыкновенію бросился спасать имущество, но Н. М. остановилъ и сказалъ:

— Ничего не выносить; Богъ далъ, такъ пусть и возьметъ, если ему это угодно.

Однако же, Богу это не было угодно; пожаръ прекращенъ безъ вреда имуществу.

Черезъ 50 лѣтъ, случай этотъ повторился такъ: въ 1874 году прочелъ я въ газетахъ о пожарѣ въ какомъ-то городкѣ, названіе забылъ,—гдѣ былъ громадный складъ пакли. Народъ бросился спасать ее,—но хозяинъ остановилъ и сказалъ:

— *Не троньте ничего, все застраховано, дороже не продамъ.*

Каковы черты взглядовъ, раздѣленныхъ полстолѣтіемъ?

Былъ тамъ еще загадочный купецъ, старикъ Ситневъ: образованный, ученый, механикъ, всегда занятый серьезнымъ дѣломъ, съ манерами аристократическими... Догадывались, что онъ принялъ это званіе и самую фамилію и прибылъ въ Сибирь послѣ какого нибудь таинственнаго приключенія.

Василій Николаевичъ Баснинъ, Ник. Мих. Кандинскій, Ник. Дм. Ситневъ (сынъ) были представителями сибирскаго купечества въ самомъ лучшемъ свѣтѣ: образованные, обладающіе свѣдѣніями и манерами цивилизованныхъ людей уже настоящаго времени. Подобныхъ такимъ отраднымъ субъектамъ очень мало встрѣчалось и въ Россіи, особенно первому. Вообще сибирскіе купцы далеко опередили русскихъ.

Иванъ Андреевичъ Носковъ того времени и нынѣшняго, когда видимъ въ немъ оратора и общественнаго дѣятеля, представляетъ разительный контрастъ, тѣмъ болѣе, что тогда я его не приглашалъ садиться, а нынче—онъ меня.

Затѣмъ, остальное кяхтинское купечество были добряки, хлѣбосолы и—только.

Были-ли они знатоки своего дѣла, показываетъ окончательное паденіе столь замѣчательнаго торговаго пункта.

. . . . . .

Сообщу здѣсь анекдотъ объ А. И. Якубовичѣ. По личному разсказу его, онъ ѣхалъ въ Сибирь, сопровождаемый старымъ офицеромъ, любившимъ выпить,—но это не мѣшало ему быть крайне строгимъ. Между тѣмъ, въ одномъ городкѣ жилъ родственникъ Якубовича, съ которымъ ему хотѣлось

увидаться. Просить объ этомъ аргуса было напрасно. Якубовичъ притворился больнымъ и по неволѣ пришлось остановиться ночевать въ этомъ городкѣ. Стражъ и арестантъ выпили преисправно и легли вмѣстѣ спать. Когда старикъ разоспался, А. И. вынулъ у него изъ кармана ключъ отъ кандаловъ, снялъ ихъ, надѣлъ на сосѣда по постели, замкнулъ и—ушелъ къ родственнику, гдѣ пробылъ до самаго утра.

Можете вообразить ужасъ старика, проснувшагося въ кандалахъ и безъ арестанта, который, впрочемъ, въ пору явился, чтобы его успокоить.

Въ другой разъ, на станціи, Якубовичъ пилъ чай. Пріѣхала какая-то дама, подсѣла къ самовару, по приглашенію любезнаго кавалера, разговорились, А. И. очаровалъ ее своей умною и веселою бесѣдой,—но тутъ пришли сказать, что лошади готовы. Якубовичъ всталъ, раскланялся съ своей новою знакомкой и громко брякнулъ кандалами, существованіе которыхъ она вовсе не подозрѣвала, такъ какъ до сихъ поръ собесѣдникъ ея сидѣлъ спокойно.

Дама ахнула и упала въ обморокъ...

(Анектотъ этотъ я слышалъ, какъ отъ А. И., такъ и отъ самой дамы, Г-жи Сельморанъ, начальницы иркутскаго медвѣдинскаго сиропитательнаго дома, которая была единственною начальницею учебнаго заведенія, будучи замужнею. На опредѣленіе ея послѣдовало высочайшее повелѣніе).

Проѣздомъ изъ Кяхты въ Иркутскъ, я остановился въ Верхнеудинскѣ, куда былъ переведенъ на жительство Завалишинъ младшій; тамъ же служилъ, смотрителемъ уѣзднаго училища, «великій поэтъ» Давыдовъ...

Но прошу позволенія остановиться. Путешествіе мое изъ Кяхты въ Петербургъ, равно долговременныя мои странствованія по Россіи, составляютъ предметъ разсказовъ второй части моихъ «воспоминаній», такъ какъ первая часть, состоящая изъ четырехъ главъ, составляетъ отдѣльныя сибирскія воспоминанія. Но вы видѣли, что я не стѣснялся забѣгать изъ Сибири въ Россію,—точно также не буду стѣсняться возвращаться и изъ Россіи въ Сибирь, когда найду это общеинтереснымъ. Словомъ, оставляю за собою право, какъ сказано въ предисловіи, не оффиціальнаго доклада своихъ похожденій, подобно какому нибудь судебному дѣлу въ присутствіи,—а свободнаго разсказа, каковой ведется въ обществѣ, иногда и такъ, что собесѣдники, утомленные, замолчатъ,—но вдругъ, одинъ изъ нихъ ударитъ себя по лбу и скажетъ:

— Ахъ, господа, вотъ, кстати, анекдотъ..... и «пошла писать».

V.

Архимандритъ Даніилъ.—Предложеніе мѣста въ Камчаткѣ.—Бородинъ.—Камчатскій почтмейстеръ.—Сибирское кушанье.—Француженка Моро.—Трескинъ.—Зеркалѣевъ.—Кириловъ.—Пятницкій.—Архіепископъ Ириней.—Степановъ.—Падалка.—Тобольскъ.—Тюмень.

На берегу Байкала, въ Посольскомъ монастырѣ, нашелъ я своего пекинскаго знакомца, архимандрита Даніила. Замѣчательно, какъ судьба, или случай, ставятъ иныхъ личностей во всю жизнь ихъ постоянно въ уединенное положеніе! Изъ семинаріи Даніилъ попалъ въ пекинскую миссію, гдѣ пробылъ болѣе 10 лѣтъ и, казалось бы, получилъ право жить гдѣ либо между людьми, такъ нѣтъ: попалъ въ Посольскій монастырь, гдѣ только одинъ монахъ, да и тотъ отъ старости глухъ, слѣпъ и нѣмъ. Даніилъ—глубоко ученый богословъ и синологъ, постоянно занимающійся своею наукою монахъ,—но до того скроменъ, что по настоящее время (1876 г.) ни чѣмъ, кажется, не заявилъ о себѣ. Тутъ, впрочемъ, играетъ главную роль убѣжденіе его, которое онъ не разъ высказывалъ, что всѣ учители-проповѣдники достигали совершенно противоположной цѣли той, къ которой стремились, ибо люди съумѣли всякое благое ученіе испортить и употребить во зло.

Близъ Посольскаго монастыря есть замѣчательная вещь: это такъ называемая *Прорва*, каналъ, соединяющій бурное озеро съ тихимъ заливомъ, гдѣ и спасаются суда, во время страшныхъ байкальскихъ бурь съ гигантскими валами озера, которые и называются тамъ *толкунами*. Это встрѣчные валы, происходящіе отъ противоположныхъ вѣтровъ, дующихъ изъ окружающихъ озеро *падей* (узкихъ долинъ). Всѣ жители Сибири и даже прибайкальцы увѣрены, что эту прорву и заливъ самъ Богъ такъ устроилъ на пользу человѣку. Я самъ былъ увѣренъ въ этомъ до 1875 г., въ которомъ прочелъ гдѣ-то (кажется, въ «Русской Старинѣ»), что каналъ и заливъ суть искусственные и устроены во время оно губернаторомъ Бантышъ-Каменскимъ, извѣстнымъ составителемъ словаря знаменитыхъ людей..... Онъ спасъ этимъ тысячи людей отъ погибели и сотни судохозяевъ отъ разоренія.

Въ Иркутскѣ представился мнѣ случай направить свое путешествіе совершенно въ противную сторону. Предсѣдатель

казенной палаты, Павелъ Клементьевичъ Лавриновскій, по дружбѣ жены его съ моей женою, такъ какъ онѣ вмѣстѣ путешествовали изъ Россіи въ Сибирь, — предложилъ мнѣ мѣсто солянаго пристава въ Камчаткѣ, справедливо доказывая выгоду пожертвованія десятью годами службы тамъ, за право на полученіе полной пенсіи въ 400 р. сер. О, если бы я могъ предвидѣть, какъ трудно подъ старость жить на пенсію въ 85 р., то, конечно, тотчасъ бы рѣшился ѣхать въ Камчатку; но, во-первыхъ, мой литературный червь не далъ мнѣ здраво обсудить это предложеніе, а во-вторыхъ — соль уже насолила мнѣ въ Тункѣ. Тогда генералъ-губернаторъ Рупертъ, по моему краснорѣчивому представленію, предписалъ отпускать въ мое распоряженіе для продажи потребное количество соли, пороху и свинца. Порохъ я изъ осторожности продавалъ самъ, почему не понесъ отъ него убытка, а соль поручилъ субъекту, котораго выкупилъ изъ тюрьмы, убѣжденный, что онъ попалъ туда невинно, и это было вѣрно. Дѣло заключалось въ томъ: иркутскій мѣщанинъ П. А. Бородинъ былъ повѣреннымъ откупа въ Тункѣ; у него была премиленькая женка, казанская татарочка, да и онъ самъ былъ порядочный... Въ Тунку транспорты удобно доставлять только зимой, по льду рѣки Иркута, и часто случалось, что къ осени израсходывалось все завезенное вино; поэтому, откупщикъ предложилъ Бородину завести вина года на три, тотъ съ дуру и согласился, но когда, по истеченіи трехъ годовъ, начали повѣрять, оказался громадный недостатокъ, очень естественный, такъ какъ, за неимѣніемъ подвала, бочки стояли на дворѣ, почему усышка, утечка и похищеніе далеко превзошли положенную такого рода убыль. Бородина засадили; я заплатилъ за него 1,500 р. и взялъ къ себѣ въ прикащики. Ему-то и была поручена соль; а потомъ, при выѣздѣ моемъ изъ Тунки, и всѣ тамошнія мои дѣла, а ихъ было не мало... Въ концѣ-концовъ, соли не оказалось на 2,500 р., которые я внесъ немедленно; не знаю, какъ въ Россіи, а въ Сибири никогда и ни кѣмъ не вносятся казенныя недоимки и цыфра ихъ громадная. Я же внесъ легко, благодаря кяхтинскому пансіону жены и моимъ кяхтинскимъ операціямъ. Лавриновскій особенно былъ удивленъ и доволенъ этимъ взносомъ. Затѣмъ Бородинъ, по окончаніи моихъ тункинскихъ дѣлъ, остался должнымъ мнѣ 5,360 р. съ копѣйками и, разумѣется, ничего не отдалъ.

И такъ, литературныя надежды и соляныя воспоминанія удержали меня отъ поѣздки въ Камчатку. Теперь очень жалѣю, потому, первое, что получалъ бы, вмѣсто мизерныхъ 85 р., 400 р. пенсіи, а, вѣроятно, и болѣе, еслибъ

продолжалъ также службу, какъ продолжалъ ее и въ Россіи, т. е. съ преимуществами сибирской и заграничной службъ: тянулъ служебную лямку 45 лѣтъ, а безъ преимуществъ сихъ дѣйствительно прослужилъ 34½ года, и какъ не дослужилъ полгода до 35 лѣтъ, срока на полную пенсію, не по своей, впрочемъ, винѣ, то и дали вмѣсто полной, половинную пенсію да и ту разочли по самому низшему окладу. Второе — увидѣлъ бы Камчатку и рѣдкаго почтмейстера оной, который судился за такой казусъ: извѣстно, или неизвѣстно, что въ Камчатку почта приходитъ только разъ въ годъ, также разъ въ годъ и отходитъ, для чего и бываетъ для почтмейстера только одинъ служебный день въ году. Но въ одинъ годъ случилось, что въ этотъ роковой день была въ Камчаткѣ именинница; почтмейстеръ не выдержалъ и раньше узаконенныхъ 2-хъ часовъ отправился на пирогъ, прекративъ, разумѣется, пріемъ, потому что былъ единственнымъ дѣятелемъ. (Еще бы имѣлъ помощниковъ!) Между тѣмъ, начальникъ порта во 2-мъ часу прислалъ пакеты, ихъ не приняли. На слѣдующій годъ пошла отъ начальника порта жалоба, еще черезъ годъ пришелъ запросъ; отвѣтъ, полученный опять черезъ годъ, оказался неудовлетворительнымъ, послали слѣдователя уже лѣтъ черезъ пять, но онъ не засталъ въ живыхъ подсудимаго.... Третье: я лишился удовольствія ѣсть такое блюдо, какого ни одинъ гастрономъ въ мірѣ не пробовалъ, если онъ не былъ въ Якутскѣ или Камчаткѣ лѣтомъ. Надобно знать, что любимымъ кушаньемъ сѣверныхъ сибиряковъ зимою служитъ мерзлая сырая рыба, которую стругаютъ тонкими ломтиками, поливаютъ уксусомъ, масломъ и посыпаютъ перцомъ, почему блюдо это и называется «струганиной», и надобно сказать, что оно дѣйствительно вкусное. Но можно-ли получать его лѣтомъ? Можно, только на нашемъ глубокомъ сѣверѣ, въ Якутскѣ и далѣе. Извѣстно, что тамъ бываетъ короткое лѣто, не болѣе двухъ мѣсяцевъ, но постоянное и крайне знойное, растительность буквально *видимо* растетъ. Дни великолѣпные — и, конечно, пользуются ими для загородныхъ прогулокъ. Пріѣдутъ на берегъ рѣки, закинутъ тони и, уловивъ великолѣпную рыбу, тотчасъ ее, еще *живою*, положатъ подъ поднятый толстый слой мха, на нерастаявающую вѣчно землю, или точнѣе — на вѣчный ледъ и закроютъ мхомъ. Пока пьютъ чай, гуляютъ, *играютъ въ карты*, то, ко времени выпивки и закуски, рыба замерзаетъ совершенно и даетъ настоящую «струганину». Говорятъ, что вкуснѣе этой закуски быть ничего не можетъ, «мороженое» противъ нея — дрянь. Четвертое — я видѣлъ бы лично тотъ «кристальный дворецъ, который, со

словъ видѣвшаго его, описалъ въ № 5 «Сѣверной Пчелы» 1854 года. Это вотъ что: извѣстно, что рѣки Сибири разливаются не весной, какъ рѣки въ Россіи, а въ половинѣ лѣта и позже, что и естественно, такъ какъ снѣга и льды на горахъ только къ этому времени растаяваютъ и наводняютъ и рѣки. Поэтому, осенняго спада рѣкъ тамъ нѣтъ и ледъ образуется при полноводіи; горизонтъ этого зимняго покрова рѣкъ бываетъ самый высокій, особенно гдѣ берега состоятъ изъ отвѣсныхъ скалъ, что весьма часто. Зимою подледная вода, мало по мало, стекаетъ и ледъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остается въ висячемъ положеніи, такъ что, когда весной начнется плаваніе по рѣкамъ, то, конечно—въ рѣдкихъ мѣстностяхъ, случается плыть подъ этимъ ледянымъ навѣсомъ. Говорятъ, картина великолѣпнѣйшая, когда яркое солнце своими лучами проникаетъ этотъ ледяной сводъ, что и подало мнѣ поводъ назвать ее «кристальнымъ дворцомъ».

Н. С. Щукинъ, въ «Спб. Вѣдомостяхъ» того же года, излилъ всю свою желчь на эту мою фантазію, доказавъ, что ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ. Совершенно вѣрно, ибо, сидя на «Козьемъ болотѣ», не только не увидишь, но и не выдумаешь ничего подобнаго.

... Наконецъ, пятое—я нѣкоторымъ образомъ прочувствовалъ бы ощущенія гудзонскаго губернатора, который, въ 1842 г., оставя свой постъ, рѣшилъ возвратиться въ Англію, *не пустыннымъ моремъ*, а сухопутно, черезъ *населенную* Сибирь. Вотъ онъ высадился въ Камчаткѣ, ѣдетъ на собакахъ, на оленяхъ тысячу, двѣ тысячи верстъ — нѣтъ никакого населенія! Наконецъ, черезъ пять тысячъ верстъ, видитъ онъ городъ Иркутскъ.... Но призналъ-ли его городомъ англичанинъ, это еще вопросъ.

Кстати, вспомнилъ оригинальное существо: въ 1844 г., зимой, явилась на площади Иркутска повозочка, запряженная одной лошадкой. Въ ней оказалась француженка m-e Моро (а можетъ быть, и не Моро, точно не помню), голубь, спиртовый кофейникъ и т. п. Пассажирка ни слова не знала порусски, а какъ я съ женой квартировали на той же площади, въ домѣ Пирожкова, то знакомый полиціймейстеръ Бушъ, зная, что жена моя говоритъ по французски, пригласилъ ее въ переводчицы. Вотъ что разсказала Моро: жила она въ Парижѣ съ мужемъ и терпѣла отъ него различныя невзгоды. Наконецъ, въ порывѣ гнѣва, онъ сказалъ: «За каждыя сто лье, которыя будутъ раздѣлять меня съ тобой, я плачу сто франковъ. Поѣзжай въ Камчатку и ты будешь милліонершей!»—Мадамъ ухватилась за это рѣшеніе, купила повозочку

и лошадь, взяла въ спутники голубя, для пропитанія — кофе, и — можно ли этому повѣрить — доѣхала, такимъ образомъ, до Иркутска! А между тѣмъ, это было дѣйствительно такъ. Здѣсь она настоятельно требовала указать ей дорогу въ Камчатку и едва уговорили ее остаться до лѣта и плыть туда по Ленѣ. Что было потомъ, не знаю. Въ 1852 году въ Екатеринбургѣ была модисткой m-me Моро; та-ли это, или нѣтъ — не знаю.

Разставаясь на всегда въ Иркутскомъ, не могу еще не остановиться на личностяхъ, оставившихъ замѣтными свои имена. Начну съ губернатора Трескина, о которомъ, разумѣется, только слышалъ, и скажу, что онъ ни душей, ни тѣломъ не виноватъ въ приписанныхъ ему ужасахъ, которые притомъ, большею частію, суть фантастическіе. При мнѣ былъ въ Иркутскѣ сынъ его, морской офицеръ, Николай Николаевичъ, говорили, что крайне похожій на отца, какъ наружностію, такъ и характеромъ, — и это былъ невозмутимый атнецъ, охотникъ, занимавшійся почти исключительно набиваніемъ чучелъ убитыхъ имъ звѣрей и птицъ.

Всю трескинскую кутерьму производила «Трещиха», какъ называли по сибирски жену Трескина. Подобравъ такихъ дѣятелей, какъ исправникъ Лоскутовъ и правители канцеляріи губернатора, сначала Третьяковъ, потомъ Бѣлявскій, она задалась задачею собрать для своихъ дѣтей, которыхъ было, кажется, восемь, по пуду ассигнацій.

Но о Трескинѣ уже много было треску, прибавлять его не стоитъ.

Нѣкоторыя писатели, за ними и г. Ровинскій, называютъ Зеркалѣева Иркутскимъ губернаторомъ. Онъ имъ не былъ, а бывъ вице-губернаторомъ, конечно, часто исправлялъ должность губернатора. О немъ повѣдаю слѣдующій анекдотъ. Когда я очутился въ Иркутскѣ на мизерномъ содержаніи, то тотчасъ ухватился за свою каллиграфическую способность и ходилъ въ казенную палату переписывать бумаги. Въ одно время, вице-губернаторъ не являлся цѣлую недѣлю, секретарь проводилъ у него каждый день по нѣсколько часовъ. Говорили, что заняты важнымъ вопросомъ, присланнымъ отъ поступившаго тогда министра Канкрина.

Наконецъ, потребовался лучшій переписчикъ отвѣта, каковымъ оказался я. Дѣйствительно, отъ министра былъ полученъ циркуляръ ко всѣмъ вице-губернаторамъ, чтобы они указали, каждый въ своей губерніи, нѣтъ-ли какихъ средствъ къ увеличенію доходовъ казны, а также и къ сокращенію расходовъ? Г. Зеркалѣевъ въ цѣлую недѣлю измыслилъ слѣдующіе отвѣты:

Объ увеличеніи доходовъ предложилъ возвысить пошлину на чай еще на 50 коп. съ фунта, что, съ существовавшею уже, составило-бы болѣе рубля.

О сокращеніи расходовъ — умѣншить жалованье совѣтника солянаго отдѣленія на 500 р., такъ какъ онъ получаетъ 1,500 р., а совѣтникъ виннаго отдѣленія только 1,000 р. (но какъ бы охотно первый помѣнялся должностями съ послѣднимъ!). При томъ, вице-губернаторъ не долюбливалъ солянаго совѣтника и мнилъ насолить ему этимъ. Конечно, проэктъ остался безъ примѣненія... И служили же такіе дѣятели, такіе разрѣшители государственныхъ вопросовъ, на видныхъ мѣстахъ, по 50 лѣтъ и болѣе?!

Предсѣдателемъ губернскаго правленія былъ д. с. с. Петръ Ивановичъ Кириловъ. О немъ могу сказать только одно, что онъ составилъ и издалъ на свой счетъ пространнѣйшія «Записки о Сибири», говорили, что вовсе неудобныя для чтенія, и послѣ смерти автора зять его разсказывалъ, что все изданіе осталось на рукахъ и пошло на топку печей. Зять этотъ былъ директоръ гимназіи Сем. Сем. Щукинъ. Сынъ послѣдняго, выступившій было на литературное поприще, Николай Семеновичъ Щукинъ (одноименный извѣстному своему дядѣ), былъ убитъ въ Иркутскѣ на улицѣ, кажется 22 лѣтъ.

О губернаторѣ Цейдлерѣ я уже говорилъ и больше ничего сказать не имѣю.

О губернаторѣ Пятницкомъ знаю, что онъ четыре раза пріѣзжалъ въ Сибирь на службу за чинами: за первымъ, т. е. коллежскимъ регистраторомъ, первый разъ, и, дослуживъ до титулярнаго, уѣхалъ, конечно, поступилъ на службу въ Спб. и тотчасъ заявилъ желаніе ѣхать въ Сибирь, за что и получилъ, безъ труда, по милости Сперанскаго, коллежскаго ассессора. Наконецъ за статскимъ и дѣйствительнымъ... Сдѣлать для края что-либо выдающееся онъ уже ничего не могъ, если бы даже и съумѣлъ, ибо уже дѣятелями были генералъ-губернаторы. Но извѣстно, что онъ написалъ «совѣты, какъ управлять государствомъ», которые были ему возвращены съ отзывомъ, что «государство не нуждается въ такихъ совѣтахъ».

Былъ тамъ не долго губернаторомъ Евсевьевъ, существо наидобрѣйшее. «Совѣтовъ» онъ, конечно, не писалъ, но еще въ 1836 году представлялъ меня на должность въ Тунку (которую я потомъ получилъ въ 1838 г.), о чемъ мнѣ и сказалъ. Черезъ нѣсколько дней онъ присылаетъ за мной и радостно кричитъ: «Поздравляю, утвердилъ генералъ-губернаторъ (Броневскій) представленіе мое о васъ. Вотъ оно прочтите».

Я поблагодарилъ и, взявъ бумагу, началъ читать:

«Вслѣдствіе представленія В. П., отъ числа за №, я согласенъ на опредѣленіе тункинскимъ пограничнымъ приставомъ казачьяго офицера иркутскаго казачьяго полка—*Фомина* и прошу сдѣлать объ этомъ надлежащее распоряженіе».

— Ваше п—во, спросилъ я, читали бумагу?

— Какъ же, какъ же, прямо сказано: «вслѣдствіе представленія вашего п—ва....»

— Но развѣ вы представляли Фомина?

— Какъ Фомина? я васъ представлялъ.

— Извольте прочесть....

Старикъ просмотрѣлъ бумагу и, говорю безъ преувеличенія, прослезился.

— Боже мой, проговорилъ онъ, какая насмѣшка, какое пренебреженіе... Простите меня, я передъ вами виноватъ и т. д.

Въ своемъ мѣстѣ я упустилъ занести свѣжее въ то время преданіе объ архіепископѣ Иринеѣ. Помѣщаю его здѣсь. Необыкновенный пастырь этотъ отличался крайнею энергіею, краснорѣчіемъ и безпощадностію его.

Напримѣръ, однажды, когда псаломщикъ читалъ «молитву господню», онъ остановилъ его и, подозвавъ къ амвону, на которомъ сидѣлъ, внушалъ читать внятно и стихъ: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!» произносить такъ, чтобы «въ немъ была слышна мольба дать хорошаго хлѣба, а не такого, какой отпускается изъ здѣшнихъ магазиновъ по-поламъ съ пескомъ!»

Въ другой разъ, подозвавъ къ амвону ключаря, журилъ за то, что печи нетоплены.

Тотъ осмѣлился возразить, что печи вытоплены.

— Какъ, развѣ не видишь, что барышня отъ холоду надѣла перчатки, посмотри! (и онъ указалъ на дочь генералъ-губернатора Лавинскаго).

Разъ, говоря о кощунствѣ, неуваженіи къ духовенству, онъ, въ доказательство, вынулъ поданную ему крестьянкою бумагу и прочелъ:

«Сѣю, вѣю, сѣю вѣю,
Пошла баба къ архирею,
Къ архирею, Иринею и т. д.».

Какой-то шалунъ написалъ это, вмѣсто прошенья.

На службы Иринея собирался весь городъ, конечно, интересуясь подобными выходками, которыхъ было многое множество.

Наконецъ, по представленіямъ генералъ-губернатора Ла-

винскаго, Иринея потребовали въ Петербургъ. Онъ не ѣхалъ. Предписали дать ему въ провожатые чиновника. Послѣдній (Голубевъ) явился къ нему съ приглашеніемъ ѣхать.

— Пойдемте, сказалъ спокойно владыко и, взявъ чиновника подъ руку, пошелъ съ нимъ по улицѣ, занимая спутника разными разсказами. Когда подошли къ гауптвахтѣ, высокопреосвященный шмыгнулъ въ нее.

— Видите, приведенъ подъ арестъ, сказалъ онъ.

Вѣсть объ арестѣ архіерея мгновенно разнеслась по городу, и рабочіе «рабочаго дома» изъ ссыльныхъ, вооружась чѣмъ только могли, бросились освобождать владыку.

Минута была опасная, но коменданту города, генералу Покровскому, удалось уговорить арестанта возвратиться въ свою келью. Рабочіе прибѣжали уже тогда, какъ не было тутъ архіерея. Едва ихъ въ этомъ увѣрили.

Въ концѣ концовъ былъ присланъ за неспокойнымъ архіереемъ важный чиновникъ.

Иринеи долго жилъ на покоѣ въ Тихвинскомъ монастырѣ владимірской губерніи, если не ошибаюсь, обратилъ нѣсколько раскольниковъ на путь православія и умеръ въ глубокой старости, около 1870 года.

Но пора проститься съ Иркутскомъ и Ангарой, которая, не смотря на наступившую зиму, не покрылась еще льдомъ (это бываетъ въ концѣ декабря и даже въ январѣ). Мы, не смотря на то, что ѣхали съ почтой, долго ждали парома у тріумфальныхъ воротъ*).

Всѣ паромы были на той сторонѣ, въ ожиданіи какого-то знатнаго путешественника, на встрѣчу котораго выѣхалъ почти весь городъ. Наконецъ, прискакалъ курьеръ, казачій офицеръ Суриковъ, вынулъ изъ повозки нѣсколько бутылокъ шампанскаго и опустилъ ихъ на бичевкахъ въ рѣку для охлажденія, или вѣрнѣе для растаянія, ибо, вѣроятно, слабое вино замерзло. Вскорѣ подъѣхалъ золотопромышленникъ, Николай Ѳедоровичъ Мясниковъ, пробки вылетѣли, не въ потолокъ, а въ небосклонъ, шампанское зашипѣло—и мы дождались парома.

При такомъ проявленіи апломба и роскоши, я невольно вспомнилъ старшаго брата Н. Ѳ., — Никиту Ѳедоровича, у котораго нѣкогда служилъ. Онъ былъ въ десятеро богаче брата, но бережливость его доходила даже до комическаго.

---

*) Г. Ровинскій говоритъ, что неизвѣстно, когда и для чего построены эти крахмальныя, по мѣстному выраженію, ворота, и есть будто бы преданія, что для встрѣчи Наполеона. Въ мое время была на нихъ надпись: 1815. Въ память освобожденія отъ французовъ.

Бывало, трудно было выпросить у него даже заслуженное жалованье, если онъ на канунѣ проигрался (а игралъ по самой маленькой); но если выигралъ самое большое 10, 15 р., то смѣло можно было расчитывать получить отъ него даже впередъ 100 и 200 руб.

Старшій Мясниковъ оставилъ послѣ смерти капиталъ въ 5 милліоновъ, а младшій долгу на себѣ тоже 5 милліоновъ.

Въ Красноярскѣ мы остановились часа на три, такъ какъ въ губернскихъ городахъ почты повѣряются. На квартирѣ спросили самоваръ и напились своего чаю. Зная существующую тутъ на все дороговизну, вызванную золотопромышленностію, — я отдалъ за воду четвертакъ, — но хозяйка швырнула его, сказавъ, что господа всегда даютъ по три рубля,— но я посовѣтовалъ ей ограничиться четвертакомъ, за что и выслушалъ цѣлый потокъ ругани (прошу сопоставить случай этотъ съ нижеслѣдующимъ въ Тобольскѣ).

Жена моя, между тѣмъ, воспользовалась временемъ повидаться съ подругою-губернаторшей Падалка. А я отъ бездѣлья вспоминалъ всѣхъ здѣшнихъ губернаторовъ и разспрашивалъ о нихъ.

Первымъ, по открытіи губерніи этой, по «сибирскому учрежденію 1822 г.», былъ Степановъ, отецъ извѣстнаго нынѣ каррикатуриста и издателя сатирическихъ журналовъ. Онъ самъ былъ писатель и поэтъ до того, что въ порывѣ поэтическаго восторга сознался печатно въ такомъ грѣхѣ, въ которомъ не всякій и на духу кается... Вотъ въ чемъ было дѣло. Разъ онъ поднялъ перчатки дочери генералъ-губернатора, Лавинской, и взялъ ихъ себѣ, написавъ таковое посланіе къ владѣтельницѣ перчатокъ:

«Не вини меня за взятки:
Ктоже грѣшенъ не бывалъ?
Я нашелъ твои перчатки,
Признаюсь, Елиза, взялъ.
Я и дѣти, даже внучки,
Сохранимъ ихъ въ родъ и родъ:
Въ нихъ твои малютки-ручки
Милость сыпали въ народъ!

Если не ошибаюсь, стишки эти были напечатаны въ «Енисейскомъ альманахѣ», и злые языки приписывали важное значеніе первымъ двумъ стихамъ, будто бы былъ къ этому какой-то поводъ,—но я думаю, что тутъ главную роль играла богатая риѳма: *взятки, перчатки*... тѣмъ болѣе, что въ красноярскую губернію, какъ золотопромышленную, постоянно назначались самые безкорыстные губернаторы.

Такъ, напримѣръ, слыхалъ я такой анекдотъ: Нѣкто, въ обществѣ, проникнутомъ понятіями своего времени, спросилъ: «кто самый глупѣйшій губернаторъ?»

Назвали того, другаго, третьяго (не трудно было), все не отгадывали, наконецъ, попросили загадчика самому назвать, и онъ назвалъ:

— Красноярскій губернаторъ Копыловъ.

— Какъ! Этотъ благороднѣйшій, умнѣйшій, безкорыстнѣйшій губернаторъ—и глупецъ?

— Да, потому что онъ единственный губернаторъ, который ничего не беретъ съ откуповъ.

А вѣдь сколько платилось! Чего уже я, почти послѣдняя спица въ чиновничьей колесницѣ, и тотъ получалъ въ Тункѣ по 300 р. въ годъ, сверхъ 12 ведеръ вина и сотни бутылокъ наливокъ. Вотъ какъ дали мнѣ это и потомъ отняли. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Тунку, два казака убили цѣловальника. Тогда только началось обученіе казаковъ военнымъ пріемамъ и они какъ разъ употребили въ дѣло пистолеты.... Я энергически принялся за слѣдствіе, скоро открылъ виновныхъ и похищенныя значительныя деньги.

Здѣсь нельзя не привести факта, какое тогда продавалось вино. Злодѣи, ограбивъ кабакъ и совершивъ убійство, хотѣли скрыть преступленіе пожаромъ, для сего наложили они, между бутылями и штофами, паклю и зажгли ее. Когда бутыли отъ огня лопнули, то разлившееся вино—*потушило огонь*.

Вотъ за эту-то услугу и дали мнѣ денежную субсидію, вино же получалъ по мѣсту съ начала. Но, когда, черезъ 6 лѣтъ, представили мнѣ штофъ вина, купленнаго въ кабакѣ и насыщеннаго дурманнымъ и табачнымъ настоемъ, я опечаталъ кабакъ, такъ какъ все вино оказалось такого же качества, но губернаторъ Пятницкій приказалъ мнѣ прекратить это дѣло, а откупъ лишилъ «всякаго даянія».

Является вопросъ, чѣмъ вознаграждался откупамъ расходъ этотъ на чиновниковъ? Разъ, что они продавали почти воду за вино, придавая ей одуряющій и горькій вкусъ разными ядовитыми подмѣсями, и чинили безнаказанно всякія беззаконія, а два и главное то, что, давая даромъ вино, они готовили себѣ вѣчныхъ потребителей его. Скажу о себѣ, что до Тунки я не употреблялъ вина, т. е. до 28 лѣтъ отъ роду; но тутъ, получая даромъ всякія питія въ большомъ количествѣ въ теченіи 6 лѣтъ, я не только самъ привыкъ къ вину, но и пріучилъ всѣхъ окружающихъ меня, и съ того времени 30-ть слишкомъ лѣтъ постоянно покупаю вино, ибо безъ 2, 3 рюмокъ въ день уже не могу обойтись.... И такъ сталъ вѣчнымъ данникомъ откуповъ, какъ и всѣ, пившіе даровое вино. А ихъ не мало!

Съ другой стороны, нельзя было не давать. Вотъ дока-

зательство: якутскій откупщикъ Огородниковъ платилъ чиновникамъ своего мизернаго города 16 т. въ годъ; но разсчитавъ, что эти 16 т. значительно увеличатъ скудный его доходъ, прекратилъ субсидіи, какъ беззаконное дѣяніе.

Тотчасъ начались узаконенныя строгости съ кабаками, ихъ поздно открывали и рано закрывали, пьяницъ забирали въ полицію и держали тамъ. Разрѣшили якутамъ продавать на рынкахъ, вмѣсто квасу, кумысъ, т. е. вино изъ молока и т. д. Огородниковъ крѣпился, крѣпился и, наконецъ, пошелъ на мировую, которая кончилась тѣмъ, что онъ обязался платить, вмѣсто 16 т., 32 т.

Но возвращаюсь къ красноярскимъ губернаторамъ. Василій Кириловичъ Падалка отличался еще большею строгостію, въ отношеніи безкорыстія, и не только ему, но и супругѣ его, Еленѣ Вильгельмовнѣ, рожденной Рупертъ, дочери генералъ-губернатора Восточной Сибири, никто не смѣлъ заикнуться о какомъ нибудь подаркѣ. Только одинъ Николай Мясниковъ ухитрился обойти эту строгость слѣдующимъ маневромъ. Отправляясь въ Питеръ, онъ при прощаньи просилъ позволенія привезти что либо Е—нѣ В—нѣ.

— Ни, ни, ничего не нужно, какъ это можно!

— Хотя какую нибудь рѣдкость, какой здѣсь нѣтъ.

— Ну, ужъ такъ и быть, привезите лапти, здѣсь они рѣдкость. (Замѣчательно, что во всей Сибири не растетъ липа, и потому дѣйствительно тамъ нѣтъ лаптей. И какъ это не попытаются развести это полезное дерево тамъ?).

Получается посылка съ надписью «съ лаптями», ее принимаютъ, раскупориваютъ и—находятъ тамъ два огромныхъ лаптя, сдѣланныхъ массивно изъ чистаго золота....

Кстати, привожу другую находчивость Н. Мясникова. Тяготясь, какъ и всѣ, особенно въ нашихъ грязныхъ городахъ, праздничными визитами, онъ, однакоже, не имѣлъ силы воли нарушить этотъ дикій обычай, но извернулся такъ, что, *не дѣлая визитовъ, онъ дѣлалъ ихъ*. Для этого Мясниковъ придумалъ визитныя карточки изъ чистаго золота, стоющіе, по меньшей мѣрѣ, каждая 5 р. Сначала развезъ нѣсколько самъ, а потомъ, когда его нигдѣ не стали принимать, предпочитая лицезрѣнію его золотую карточку, то посылалъ по городу пустую свою карету и лакея съ карточками.

Въ Томскѣ мы встрѣтили образчикъ сибирскаго гостепріимства. Тамошній губернскій почтмейстеръ, старичекъ съ таковою же супругою, угостилъ насъ обѣдомъ, такъ какъ почта здѣсь останавливается въ обѣденное время. Говорили что всѣ проѣзжающіе съ почтой пользовались этимъ гостепріимствомъ.

Осматривать городъ и знакомиться съ нимъ, разумѣется, я не имѣлъ времени.

Мы помчались, сытые, и дали крюку на 500 слишкомъ верстъ, такъ какъ почты идутъ прежде на Омскъ, а оттуда на Тобольскъ, прямая же дорога изъ Томска на Тобольскъ.

Городъ Омскъ тоже видѣлъ мелькомъ, замѣтилъ окружающую его степь и полную безлѣсность, что, однакоже, не помѣшало ему быть *деревяннымъ* городомъ. Безъ сомнѣнія, дома изъ дерева обходятся здѣсь дороже каменныхъ, — но уже таково свойство рутины!...

Лихо мы мчались: бывало, напьешься вечеромъ чаю, закусишь и ляжешь спать въ повозку, просыпаешься утромъ, спрашиваешь:

— Сколько проѣхали?

— Двѣсти верстъ.

Въ Тобольскъ пріѣхали тоже къ обѣду, но почтмейстерскаго гостепріимства не нашли. Между тѣмъ, предыдущій обѣдъ нашъ былъ за три дня въ Томскѣ — и мы были страшно голодны. Спросили на квартирѣ обѣдъ.

День былъ праздничный, Благовѣщеніе. Намъ подали великолѣпныя: кулебяку, уху, соусъ, жаркое и пирожное. Я уплеталъ за обѣ щеки. Жена шепчетъ мнѣ:

— Батюшки, сколько же спорютъ съ насъ за все это, когда въ Красноярскѣ за одну воду требовали три рубля?

— Молчи и ѣшь. Я готовъ все отдать, лишь бы наѣсться.

Наконецъ, наѣлся.

— Сколько за обѣдъ? спрашиваю.

— Что пожалуете.

— Нѣтъ, уже вы назначьте; я здѣшнихъ цѣнъ не знаю, могу ошибиться: васъ или себя изобидѣть.

— Четвертачекъ положите, если вамъ не въ тягость будетъ.

Какой контрастъ съ Красноярскомъ! И все это творитъ невѣжественная роскошь и фанаберія!

Мы узнали, что изобиліе и дешевизна здѣсь рыбы поразительны, уравняться все это можетъ только при желѣзной дорогѣ.

Наконецъ, Тюмень и конецъ ѣзды съ почтой.

Теперь остается сказать объ опасностяхъ, коимъ подвергались мы въ это путешествіе. Ихъ было двѣ. Разъ, когда пьяные ямщики, недовольные ѣздоками съ почтой, которыхъ они возятъ даромъ, послѣ какого-то спора съ почтальономъ, тоже выпившимъ порядочно (и нельзя было не пить: надобно удивляться, какъ человѣкъ выдерживаетъ 4 т. верстъ безпрерывной ѣзды на козлахъ въ страшные морозы!), обратились

къ намъ съ угрозами и съ взятыми уже въ руки кольями, а почтальонъ вынулъ было свой заржавленный пистолетъ, чтобы защитить насъ, и, конечно, этимъ достигъ бы противной цѣли, — я нашелъ другую, болѣе вѣрную защиту.

— Ну, братцы, не горячитесь, сказалъ я кротко, вотъ моя дорожная бутылка водки, — отличная водка, ромъ, прибавилъ я для большаго впечатлѣнія, распейте ее на здоровье, а мы поѣдемъ.

— Благодаримъ покорно! Съ Богомъ! Ура!

Въ другой разъ, повозка наша, ночью, въ страшный холодъ, завязла въ глубочайшемъ ухабѣ, въ которомъ, какъ разсказывали потомъ, увязъ и ночевалъ какой-то «янаралъ», — никакія усилія ямщика и почтальона, а также и моя помощь, не могли сдвинуть ее съ мѣста. Между тѣмъ, холодъ дѣлалъ свое, я залѣзъ въ повозку и разрѣшилъ почтальону и ямщику скакать на лошадяхъ на станцію за помощью. Вскорѣ послѣ отъѣзда ихъ послышался вой волковъ и немедленно цѣлая ста окружила повозку; они оборвали всѣ ремни, кожу гдѣ только она была, даже съ закрывавшаго насъ запона, заскакивая для этого на козлы и на самую повозку. Къ счастію, подъ запономъ былъ толстый войлокъ, но и на немъ оказалась дыра, въ которой являлись то морда, то лапа. Я вооружился, — чѣмъ бы вы думаете? — сѣрными спичками, и зажигалъ ихъ, какъ только четырехлапые разбойники пытались попасть въ повозку. Отъ свѣта огня они мгновенно отскакивали. Это я испыталъ будучи еще сибирскимъ охотникомъ, что и разсказалъ въ своихъ «охотничьихъ воспоминаніяхъ».

Тутъ только понялъ я настоящій смыслъ и вѣрность пословицы: «голодный волкъ завертки рветъ!» Какъ, думалъ я прежде, будетъ-ли волкъ рвать завертки, которыя дѣлаются изъ веревки, или лыка, для прикрѣпленія оглоблей къ санямъ? Но и у нашей повозки оказались съѣденными завертки, они были изъ бычьихъ стволовъ.

Наконецъ, крикомъ, стучаньемъ въ бывшій съ нами мѣдный тазикъ, удалось мнѣ прогнать волковъ, или точнѣе они сами убѣдились, что тутъ больше не чѣмъ поживиться. Но опасность еще не миновалась. Холодъ такъ усилился, что не было согрѣву; прошло битыхъ три часа, пока къ свѣту уже явились ямщики и лошади. Удивляюсь, какъ мы не замерзли.

Но за то ухабъ этотъ познакомилъ меня съ такимъ фактомъ, подобнаго которому никогда и ни гдѣ, кромѣ Сибири, не было и, конечно, не будетъ.

На станціи, въ селѣ, разговаривая по поводу этого ухаба о дорогахъ, я спросилъ мужичковъ:

— Отчего это вы не поправляете дорогъ? Вѣдь сами же отъ этого терпите.

— Не смѣемъ, батюшка, разрѣшенья нѣтъ.

— Какое вамъ на это разрѣшеніе? пошли сами и исправили.

— Да, однажды мы такъ и сдѣлали, пошли своевольно и исправили дорогу, труда вѣдь особаго нѣтъ, только снѣгъ сравнять.

— Ну?

Что ну? прискакалъ исправникъ, да и перепоролъ насъ всѣхъ.

— За что?

— Какъ смѣли безъ предписанья исправлять дороги.

— Что же тутъ важнаго, не понимаю.

— Важность, въ томъ родимый, что пока дороги дурныя, идетъ подрядъ на доставку, въ Березовскъ и другія отдаленныя мѣста хлѣба, вина и прочаго; вотъ подрядчики, зная, что дороги плохи, запрашиваютъ цѣны выше положенныхъ, тутъ доставку и поручатъ чиновнику Козлу Паклевичу (Козелъ-Паклевскій), этакимъ *епидемическимъ* способомъ (должно быть — экономическимъ?). Тотчасъ строгое предписаніе исправлять дороги (тогда порютъ нашего брата за не исправленіе), — и пошли обозы. У него вѣдь, родимый, 1,200 своихъ лошадей въ запряжкѣ. Почты не смѣютъ обгонять этихъ обозовъ. Разъ почтальона такъ поколотили за то, что велѣлъ сворачивать. Его же, бѣднягу, и выгнали изъ службы... А въ тотъ годъ, какъ мы своевольно поправили дороги, подрядчики, узнавъ объ этомъ, понизили цѣну и взяли подряды. Насъ и выпороли за *исправленіе дорогъ*.

Тюмень уже Россія, слѣдовательно, настоящій конецъ моихъ сибирскихъ похожденій и воспоминаній о нихъ, и вѣчное, какъ оказалось впослѣдствіи, разставанье съ родиной. Продолженіе впредь въ Россіи.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	8	строка	12	напечатано:	собиравшіе,	слѣдуетъ:	собиравшія.
—	13	—	5	—	командиръ	—	комендантъ.
—	14	—	35	—	значичельно	—	значительно.
—	56	—	23	—	сбросилъ	—	сбросить.
—	57	—	32	—	богатырскія	—	богатырскій.
—	59	—	5	—	подобая	—	подобная.
—	62	—	41	—	следя	—	слѣдя.
—	62	—	42	—	сбытіями	—	событіями.
—	63	—	25	—	просвещенный	—	преосвященный.

ПРЕДЛАГАЕТСЯ Гг. ИЗДАТЕЛЯМЪ.

I.

ПОЛНАЯ РУКОПИСЬ ВОСПОМИНАНІЙ Сибирскаго казака, заключающихъ: пребываніе въ Сибири 1810—1848 и пребываніе въ Россіи 1848—1880 гг.

II.

АРХИВЪ СИБИРСКАГО КАЗАКА: 27 большихъ статей его, напечатанныхъ съ 1848 по 1880 гг., «Путешествіе въ Китай», «Пекинскій дневникъ», «Поѣздка съ монгольскимъ губернаторомъ», «О ловлѣ звѣрей, птицъ и рыбъ въ Сибири», «Сибирячка»—повѣсть, «Неотысканное богатство» разсказъ, «Ирбитская ярмарка» и «Сибирская почта» очерки. (биб. для Чт. 1854—1860). «Кяхка и Маймачень» (Иллюстрація 1848 г.) «Кяхтинское нарѣчіе русскаго языка» (Академ. Изв. 1853). «Сибирскія горы» съ рисунками (Иллюстрація 1859—60). «Отрывки изъ воспоминаній» (Др. и Нов. Россія 1876). «Заблужденіе» разсказъ (модный магазинъ, 1873). Статьи со всѣхъ газетъ 1847—1880 гг. Брошюры: «О наградахъ и наказаніяхъ» 1862. «Посланіе къ женщинамъ» 1866. «Путедетатель» 1868.—32 рукописныя переплетенныя книжки въ 8⁰, заключающія корреспонденціи, записки, замѣтки, путешествія, воспоминанія, драмы, стихи, словари, счета, повѣсти, романъ и пр., съ указаніемъ гдѣ и когда нѣкоторыя статьи напечатаны, большая же часть не была въ печати.—**300** писемъ замѣчательныхъ лицъ, **200** разныхъ бумагъ, **100** курьезныхъ бумагъ и рисунковъ, связки рукописей и газетъ со статьями Сиб. Казака нѣсколько рѣдкихъ книгъ и вещей.

III.

СБОРНИКЪ ИМЕНЪ, ФАМИЛІЙ и ПРОЗВИЩЪ чѣмъ либо замѣчательныхъ, какъ съ серьезной такъ и курьезной стороны, съ примѣчаніями, выписками, указаніями источниковъ, анекдотами и т. п. Выпускъ 1 на всѣ буквы алфавита, 5,000 фамилій, приблизительно 40 печатныхъ листовъ. Предполагаемъ еще два выпуска, матеріалы собираются.

Цѣна за право изданія всѣхъ трехъ предложеній пять тысячъ рублей.

NB. подробная опись архива, эпизодъ изъ воспоминаній и выборка тридцати фамилій съ текстами на каждую букву алфавита изъ сборника, высылаются за пять рублей.

Адресъ: **Сем. Ив. Черепанову**, Казань, Грузинская ул., № 3.

ЦѢНА 50 КОПѢЕКЪ.